

Эволюция. Исследование и критика

Теодор Гребнер

Evolution: An Investigation and a Critique

Theodore Graebner

Электронная книга проекта "Гутенберг" по эволюции: исследование и критический анализ

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Эволюция: исследование и критика

Автор: Теодор Гребнер

Дата выхода: 18 сентября 2006 [Электронная книга №19321]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Куртом А. Т. Бодлингом, бывшим директором библиотечного обслуживания колледжа Конкордия, Бронксвилл, Нью-Йорк, США

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА: ИССЛЕДОВАНИЕ И КРИТИКА" ***

Электронный текст подготовлен Куртом А. Т. Бодлингом, бывшим директором библиотеки Службы в колледже Конкордия, Бронксвилл, Нью-Йорк, США

ЭВОЛЮЦИЯ.

Расследование и критика

Автор Т. ГРЕБНЕР,
Семинария Конкордия, Сент-Луис, Миссури

Милуоки, Висконсин. Северо-Западное издательство, 1921.

Species tot sunt, quot diversas formas ab initio produxit Infinitum Ens. Linne.

Памяти моего учителя (Новый Ульм, 1892) Джона Шаллера, педагога, теолога, изучающего естественные науки, эти главы посвящены
Автором

Содержание.

Глава 1. Краткое изложение теории ...11 Определение—Исторический обзор—Дарвиновская гипотеза—Линии доказательств—Происхождение человека—Небулярная гипотеза—Происхождение жизни—Влияние эволюции на христианство.

Глава 2. Необъяснимое происхождение...29 Происхождение Вселенной—Происхождение жизни—Биологические барьеры— Человек.

Глава 3. Свидетельство камней...47

Глава 4. Постоянство видов...62

Глава 5. Рудиментарные органы...70

Глава 6. Инстинкт...74

Глава 7. Наследственность...80

Глава 8. Устаревшее научное кредо...87

Глава 9. Человек...94

Глава 10. Вердикт истории...113

Глава 11. Доказательства замысла...124

Глава 12. Фатальная предвзятость...141

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Впервые я прочитал "Происхождение видов" Чарльза Дарвина в библиотеке моего святого дяди Джона Шаллера в Нью-Ульме, штат Миннесота, в 1892 году. Тогда я не понял всего этого, что вызвало у меня немалую досаду, в связи с чем позже я нашел некоторое утешение в мнении доктора Фредерика Линча, который назвал эпохальный труд Дарвина "одной из двух самых сложных книг на английском языке". Но, как и многие другие, я достаточно хорошо изучил книгу Дарвина, чтобы уловить проблески величия концепции, лежащей в основе ее аргументации. Именно тогда мой любимый дядя благодаря своей обширной и точной начитанности, которая так часто поражала его друзей, и своей пронизательной диалектике открыл мне глаза на некоторые ошибки в аргументации Дарвина, особенно на фатальную слабость главы об инстинкте. Позже чтение книги Сент-Джорджа Майварта "Генезис видов" убедило меня в точности суждений моего дяди. Но очарование этого предмета сохранялось, и на какое-то время "Синтетическая философия" Герберта Спенсера благодаря полноте своей индукции и обширному массиву данных оказалась в его плену. "Дарвинизм" Альфреда Рассела Уоллеса, "Лекции по эволюции" Хаксли, "Начало вещей" Тиндаля, "Эволюционист в целом" Гранта Аллена, "Ортогенез" Эймера, "История сотворения мира" Клодда занимали меня по очереди, вплоть до аподиктического изложения Эссе Джона Фiske о дарвинизме, не меньше, чем открытая и изможденная оппозиция христианству, которая преобладает в "Науке и еврейской традиции" Хаксли и в главах Спенсера о "Непознаваемом" (так Синтетическая философия определяет Бога), вызвало отвращение к чувствам, — антирелигиозный уклон эволюции становился тем яснее для моего разума, чем дольше я занимался этим предметом.

Я решил сам исследовать данные, на основе которых строились предположения, по лабиринтам которых я блуждал все эти годы. Свободные часы в течение трех лет были посвящены изучению источников сравнительного религиоведения, полученных из первых рук.

Результат этого исследования был изложен в двухстатьях, опубликованных в *Theological Quarterly* в 1906 и 1907 годах. Я боюсь, что отталкивающий характер примечаний послужил эффективным сдерживающим фактором при чтении этих статей. В нескольких главах этого небольшого тома я популярным языком изложил доводы против того, чтобы эволюция выводилась из изучения религии. Чтение учебников геологии Ле Конта и Даны и различных других трактатов позволило получить данные по палеонтологии, изложенные в первых главах книги. Примечательный *circulus in concludendo* ("напрашивающийся вопрос"), в котором виноваты здешние эволюционисты, был впервые указан мне проф. Тингельстад из Декора, штат Айова, который в 1908 году читал курс эволюции в Чикагском университете и который обратился ко мне для обсуждения доктрины в том виде, в каком он получил ее из "штаб-квартиры".

В качестве экскурса в предмет педагогики я рассматривал в своих семинарских лекциях прошлых лет, посвященных естественным наукам, аргументы против эволюции, и конспекты этих лекций легли в основу настоящего тома. Мы надеемся, что особенно наши молодые мужчины и женщины, которые проходят курсы в наших университетах, рассмотрят аргументы против увлекательной и в некоторых отношениях великолепной концепции эволюции, поскольку этот случай представлен в следующих главах. Я понимаю, что они, как и интеллигентные читатели в целом, могут не с доверием отнестись к заявлениям теолога по научному вопросу, меньше всего когда он пытается рассматривать такой вопрос с точки зрения науки. Предполагается, что он чувствует себя как дома в теологии, но незнаком в области геологии, астрономии и биологии. Эти вступительные замечания написаны с целью добиться того, чтобы их вообще услышали. Но аргумент должен основываться на его собственных достоинствах. Автор сейчас отойдет на задний план. Факты скажут свое слово.

Т. Г.

ЭВОЛЮЦИЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Краткое изложение теории. Определение.

Эволюция - это название, охватывающее определенные теории, которые стремятся объяснить все процессы в природе как происходящие в соответствии с установленными законами с помощью сил, обитающих в природе. Профессор Дж. Леконт из Калифорнийского университета определяет эволюцию как "Непрерывное прогрессивное изменение в соответствии с определенными законами и с помощью внутренних сил". Эволюция - это теория, философия, это не наука. Теория называется *органической* эволюцией в ее отношении к живым формам (растительной и животной жизни), *космической* эволюцией, поскольку были предприняты попытки объяснить определенными законами и работой местных сил развитие вселенной — земли, солнца и звездного неба. Также развитие общества, религии, морали, политики, искусства и механических изобретений объясняется теорией о том, что существуют силы, которые, действуя в соответствии с определенными законами, посредством многих изменений сделали человеческую жизнь и институты такими, какими мы видим их сегодня.

Вкратце изложенная доктрина эволюции такова: что в какой—то бесконечно отдаленный период прошлого, как и откуда, наука не утверждает, появились материя и сила; что внутри материи и в связи с силой также появилась изначальная клетка, как и откуда, никто не знает, в которой была искра жизни; и что из этой клетки возникли все живые существа, управляемые определенными законами, по-разному изложенными различными эволюционистами; что эти

законы в связи с изменяющимися влияниями окружающей среды (окружения, почвы, климата и т.д.) Объясняют и объясните различные виды, которые существовали в прошлом и существуют сейчас на земле, включая человека. Что в этом процессе нет пробелов, но очевидно неуклонное восхождение от низших к высшим (от простых к более сложным) формам жизни, пока не будет достигнут человек, признанный высший продукт эволюции.

Крайние эволюционисты придерживаются мнения, что вся мощь Вселенной была накоплена в этой первичной клетке и что все было создано без какого-либо надзирающего органа, кроме сил, присутствующих в материи. Каждое действие Бога исключается или считается ненужным. Иногда это называют атеистической эволюцией.

Теистический эволюционист ("теистический" от "теизм", вера в личного Бога) отводит место Богу в начале и на всем протяжении развития, как игнорирующему процесс, возможно, усиливающему и в определенной степени направляющему энергию, но не вмешивающемуся в установленный закон или правило эволюции. Согласно теистической эволюции, Бог не создавал растения и животных как отдельные виды (как описано в Книге Бытия 1), но создал материю как грубую форму и подчинил ее определенным законам, по которым эта материя в течение неисчислимых веков постепенно эволюционировала в миры. Что из этой материи, называемой неорганической, возникли растения, из какого-то зародыша или свойства, существующего в материи. Происхождение животной жизни по-разному объясняется так называемыми теистическими эволюционистами. Некоторые считают, что первобытная растительная жизнь потенциально содержала низшие и простейшие принципы животной жизни, и из нее развились простейшие животные формы; что из этих последних развились формы немного более высокие, пока, по прошествии долгих веков, не были пройдены все градации, пока результатом не стал человек, высшая форма. Другие считают, что существует настолько существенная разница между растениями и животными, что последние не могли произойти от первых, что животная сторона жизни должна зародиться заново. Поэтому они утверждают, что, когда эволюционное развитие материи достигло определенной стадии, на сцене появился Бог и наделил определенные формы принципом животной жизни в ее низших элементах. Затем эти низшие формы животной жизни вступили в серию эволюционного роста, каждая низшая форма становилась немного более сложной, каждая серия получала использование и развивала органы, которые существовали по существу в низшей форме, но были маленькими, несовершенными и бесполезными, потому что не были нужны. Таким образом, кисть и предплечье у человека структурно или по существу такие же, как нога животного, крыло птицы, плавник кита и плавник рыбы; и попытка приспособиться к воде привела к тому, что у птицы развился плавник, подобно тому как в результате аналогичного процесса передняя нога животного превратилась в человеческую руку.

Для нашего настоящего рассмотрения нам не нужно проводить различие между атеистической и теистической эволюцией, поскольку последняя подвержена фундаментальным возражениям, выдвигаемым против эволюции в целом, и, подобно атеистической эволюции, не имеет ни единого факта, подтверждающего ее, и находится в прямом противоречии со всем, что известно о законах, действующих сейчас, и насколько позволяют знания. Более того, так называемая "теистическая" эволюция повсеместно одобряется неверующими и скептиками и используется ими как любимое средство нападения на богооткровенную Истину.

Исторический обзор.

Хотя в наши дни имена некоторых английских и немецких ученых (Дарвин, Спенсер, Хаксли, Тиндаль, Романес, Бюхнер, Фогт, Геккель) неразрывно связаны с историей этой гипотезы, ее корни уходят далеко в ранние века греческой философии. Теория эволюционного развития была впервые предложена греческими мыслителями, жившими около 600 лет до нашей эры. Человеческий разум постоянно находится в поиске объединяющих принципов, принципов, которые объясняют целые группы природных явлений, а не только изолированные явления. Греческий ум искал принцип, с помощью которого можно было бы объяснить многообразие форм жизни в природе. Откуда взялись все вещи? Как они стали такими, какие они есть? Вопросы о природе вселенной, в которой мы живем, задавались с самого начала. В тот момент, когда человеческий разум начал размышлять о том, что растительность, покрывающая землю, животные, населяющие ее, скалы и холмы, горы и долины, составляющие ее физические особенности, возможно, претерпели изменения в прошлом, и что все явления, составляющие животный, растительный и минеральный миры в том виде, в каком они существуют сейчас, являются всего лишь модификациями других форм, которые имели свое время и свою философию, идея развития стала заметной. Ранние греческие философы были первыми, кто попытался найти ответы на эти проблемы. Многие из них считали, что все естественное возникло из того, что они называли изначальными элементами — огня, воздуха, земли, воды. Анаксимандр считал, что животные были порождены землей посредством тепла и влаги; и что человек развился из других существ, отличных по форме. У Эмпедокла была фантастическая теория, а именно, что различные части человека и животных сначала существовали независимо, и что они — например, руки, ноги, ступни, глаза и т.д. - Постепенно объединились — возможно, подобно тому, как собираются автомобили; и что эти комбинации стали способны существовать и даже размножаться и воспроизводить самих себя. Анаксагор придерживался мнения, что животные и растения произошли из земли посредством зародышей, переносимых в атмосфере, которые давали плодородие земле. Мнения Аристотеля мало чем отличались от наших дней. Все это показывает, что рассуждения о происхождении вселенной и о том, почему живые существа возникли не вместе с дарвиновской гипотезой, и что доктрина происхождения с модификацией как объяснение всех биологических явлений более чем на две тысячи лет предшествует публикации "Происхождения видов".

В наше время теория развития была впервые предложена Гете в его *"Итальянском царстве"*. Руководствуясь тем же ментальным стремлением увидеть разнообразные формы в соответствии с объединяющим принципом, Гете искал исходную форму растительной жизни, *Urpflanze*, растение, которое было бы одновременно достаточно простым, чтобы обозначать тип всех растений, и в то же время подверженным вариациям в стольких направлениях, что все растения могли бы вывести из него свое происхождение. Гете также облек эту концепцию в поэтическую форму.

Первое философское изложение гипотезы содержится в *"Критике искусства"* Иммануила Канта, 1790 г. В параграфе 80 мы находим обсуждение сходства между столь многими видами животных не только в строении их костей, но и в расположении других их частей, сходства, которое, по словам Канта, "бросает луч надежды" на то, что все формы могут быть прослежены до первоначальных простых форм, до "поколения от общего предка", восходящего от низших форм к человеку "согласно механическим законам". Кант предполагает, что, например, некоторые водные животные постепенно превратились в амфибий, и от них через несколько поколений произошли наземные животные. Трактат того же философа, озаглавленный *"Предполагаемое происхождение человечества"*, предполагает, что человек на заре

существования мира произошел от "простых животных созданий". Даже универсальный закон мирообразования (космической эволюции) был изложен Кантом в работе, которую он анонимно опубликовал в 1775 году.

В своем отношении к животной жизни теория развития была впервые четко изложена Карлом Эрнстом фон Бэром (умер в 1876 году). В своем *"Entwicklungsgeschichte der Tiere"* (1828) автор объясняет "Entwicklung" как переход от простых форм к сложным. Он верит, что в эволюции есть фундаментальная идея, которая "проходит через все формы космического и животного развития". Предшественником фон Бэра был француз Ламарк. От фон Бэра Герберт Спенсер примерно в 1850 году перенял определение эволюции.

Гипотеза вступила в новую фазу благодаря эпохальному труду Чарльза Дарвина: *"Происхождение видов"*. Лейтмотивом теории Дарвина является Естественный отбор, под этим термином развитие всех живых форм понимается действие определенных законов, которые при размножении растений и животных сохраняли тех особей, которые были лучше всего приспособлены для выживания в борьбе за существование. Дарвиновскую теорию можно резюмировать так:

Дарвиновская гипотеза.

1. Численность каждого вида животных и растений имеет тенденцию увеличиваться в геометрической прогрессии.
2. Каждый вид животных и растений передает общее сходство с индивидуальными различиями своему потомству.
3. Прошедшее время было практически бесконечным.
4. Каждому индивидууму приходится вести очень серьезную борьбу за существование из-за тенденции к геометрическому увеличению всех видов животных и растений, в то время как общая популяция животных и растений (за исключением человека и его агентов) остается почти неизменной.
5. Таким образом, каждая разновидность вида, стремящаяся спасти жизнь особи, обладающей ею, или дать ей возможность более уверенно размножать свой вид, в долгосрочной перспективе будет сохранена и передаст свою благоприятную особенность некоторым из своих потомков, и эта особенность, таким образом, будет усиливаться, пока не достигнет максимальной степени полезности. С другой стороны, особи, обладающие неблагоприятными особенностями, будут безжалостно уничтожены (*Выживает сильнейший*), [примечание: такова пунктуация]

Таким образом, основа теории заключается в том, что животные и растения размножаются очень быстро и, во-вторых, что потомство всегда немного отличается от родителей, хотя в целом очень похоже на них. Мистер Альфред Рассел Уоллес говорит: "Из первого факта или закона неизбежно следует постоянная борьба за существование; потому что, хотя потомство всегда превосходит родителей по численности, обычно в огромной степени, все же общее количество живых организмов в мире не увеличивается и не может увеличиваться год от года. Следовательно, ежегодно в среднем умирает столько же людей, сколько рождается, как растений, так и животных; и большинство умирает преждевременной смертью. Они убивают

друг друга тысячью различных способов; они морят друг друга голодом, когда одни потребляют пищу, в которой нуждаются другие; они уничтожаются в основном силами Природы — холодом и жарой, дождем и бурей, наводнением и пожаром. Таким образом, между ними идет постоянная борьба за то, кто будет жить, а кто умрет; и эта борьба чрезвычайно сурова, потому что очень немногие могут остаться в живых — один из пяти, один из десяти, часто только один из ста или даже из тысячи.

Тогда возникает вопрос, почему одни живут лучше, чем другие? Если бы все особи каждого вида были совершенно одинаковыми во всех отношениях, мы могли бы только сказать, что это вопрос случая. Но они не похожи. Мы обнаруживаем, что они различаются по многим параметрам. Некоторые сильнее, некоторые быстрее, некоторые выносливее по телосложению, некоторые хитрее. Неясный цвет может облегчить маскировку для одних, более острое зрение может позволить другим обнаруживать добычу или убегать от врага лучше, чем их собратья. Среди растений малейшие различия могут быть полезными или наоборот. Самые ранние и сильные побеги могут спастись от слизняка; их большая сила может позволить им зацвести и дать семена раньше влажной осенью; растения, лучше всего вооруженные шипами или волосками, могут избежать пожирания; те, цветы которых наиболее заметны, могут быть быстрее всего оплодотворены насекомыми. Мы не можем сомневаться, что в целом любые полезные вариации дадут его обладателям большую вероятность пережить то огромное испытание, которому им предстоит подвергнуться. Возможно, что-то и оставлено на волю случая, но в целом *выживут наиболее приспособленные* ". ("Дарвинизм", стр. 7).

Тот же автор приводит вероятный пример действия *естественного отбора* при происхождении определенных водных птиц, называемых оляпками. Он говорит: "Прекрасным примером того, как ограниченная группа видов смогла сохранить себя, приспособившись к одному из этих "свободных мест" в Природе, являются любопытные маленькие птички, называемые оляпками или водяными узлами, образующие род *Cinclus* и семейство *Cinclididae* натуралистов. Эти птицы чем-то похожи на маленьких дроздов, с очень короткими крыльями и хвостом и очень густым оперением. Они часто посещают исключительно горные потоки в северном полушарии и добывают себе пищу исключительно в воде, состоящей из водяных жуков, ручейников и личинок других насекомых, а также многочисленных мелких пресноводных раковин. Эти птицы, хотя и недалеко ушли по строению от дроздов и крапивников, обладают необычайной способностью летать под водой; ибо таков, по мнению лучших наблюдателей, их процесс погружения в поисках добычи; их плотное и несколько волокнистое оперение удерживает столько воздуха, что вода не может коснуться их тел или даже сильно намочить их перья. Их мощные лапы и длинные изогнутые когти позволяют им держаться за камни на дне и, таким образом, сохранять свое положение, подбирая насекомых, ракушки и т.д. Поскольку они часто встречаются в основном в самых быстрых и неистовых потоках, среди скал, водопадов и огромных валунов, вода никогда не замерзает, и поэтому они способны жить в самые суровые зимы. Известно лишь очень мало видов оляпки, все обитатели старого света настолько близки к нашей британской птице, что некоторые орнитологи считают их просто местными расами одного вида; в то время как в Северной Америке и северных Андах обитают два других вида.

Итак, перед нами птица, которая по всему своему строению демонстрирует близкое сходство с более мелкими типичными насестными птицами, но которая отошла от всех своих союзников по своим привычкам и образу жизни и обеспечила себе место в Природе, где у нее мало конкурентов и врагов. Мы вполне можем предположить, * [[* Обратите внимание на

характерную фразу "Мы можем предположить, что—" Г.] что в какой-то отдаленный период птица, которая, возможно, была обычным и более обобщенным предком наших дроздов, славков, крапивников и т.д., Широко распространилась по великому северному континенту и дала начало многочисленным разновидностям, приспособленным к особым условиям жизни. Некоторые из них стали кормиться на берегах чистых ручьев, выбирая таких личинок и моллюсков, до которых могли дотянуться на мелководе. Когда пищи становилось не хватать, они пытались вылавливать ее из все более и более глубокой воды, и, делая это в холодную погоду, многие замерзали и умирали с голоду. Но любой, кто обладал более густым и волосатым оперением, чем обычно, и был способен удерживать воду, выживал; и таким образом формировалась раса, которая все больше и больше зависела от этого вида пищи. Затем, поднимаясь вверх по замерзшим ручьям в горы, они могли бы жить там зимой; и поскольку такие места давали им большую защиту от врагов и достаточное укрытие для их гнезд и птенцов, происходила бы дальнейшая адаптация, пока настоящая наземная птица не приобрела бы чудесную способность нырять и летать под водой ". (*"Дарвинизм"*, стр. 81-82.)

Ряд доказательств.

Считается, что эволюционная гипотеза (как в ее атеистической, так и в теистической или "христианской" форме) основывается на следующих принципах доказательства:

i. *Первичный*: Данные палеонтологии (изучение ископаемых остатков в горных породах). Поверхность земли под верхним слоем почвы состоит из слоев горных пород. Некоторые из них состоят из известковых отложений, другие - из раковин моллюсков, третьи - из песчаника, третьи - из мертвых лесных деревьев (угля), и все они затвердели под давлением лежащего на них груза. Помимо этих осадочных пород, существуют образования, подобные граниту, демонстрирующие влияние тепла. Копая среди осадочных пород (в основном известняка, песчаника), мы натываемся на сохранившиеся останки всевозможных животных; некоторые точно такие же, как те, что живут сегодня, некоторые похожие, но несколько отличающиеся, другие совершенно непохожи на животных наших дней. Это окаменелости. Теперь эволюционисты утверждают, что древнейшие и простейшие останки животных и растений найдены в самых древних слоях породы. Говорят, что это доказывает, что в истории растений и животных на земле простейшие формы являются древнейшими и что позже из них развились более сложные формы. Леконт формулирует этот вопрос так: "Чем дальше в прошлое мы уходим, тем проще становятся формы животной и растительной жизни, и эти формы возникают в порядке их возникновения, точно так же, как если бы они развились одна из другой".

2. *Подтверждающий*: а) Аргумент из морфологии (Структуры). Утверждается, что сходство строения различных типов животных подразумевает общность происхождения. "Большие группы видов, повадки которых сильно различаются, демонстрируют определенное фундаментальное сходство в строении. Руки людей и обезьян, передние конечности четвероногих, весла китов, крылья птиц, грудные плавники рыб устроены по одному и тому же образцу, но изменены в соответствии с их различными функциями. Почти все млекопитающие, от длинношеего жирафа до короткошеего слона, имеют семь шейных костей; глаза миноги приводятся в движение шестью мышцами, которые в точности соответствуют шести мышцам, работающим с человеческим глазом; все насекомые и ракообразные - моль и омар, щитовка и ракообразные - одинаково состоят из двадцати сегментов; чашелистики, лепестки, тычинки и

пестики цветка представляют собой видоизмененные листья, расположенные шпилем". (Клодд, *"История творения"*, стр. 102.) Эти сходства рассматриваются как свидетельство общего происхождения.

б) Аргумент из эмбриологии. Отдельное животное в процессе эмбрионального развития проходит через временные стадии, которые аналогичны постоянным условиям у некоторых низших форм той же группы. Эволюционисты полагают, что этими формами на самом деле обладали предки этих животных в ходе их эволюции. Они считают, что изменения, происходящие в эмбрионах, олицетворяют серию изменений, через которые прошли предковые формы. Поскольку эмбрионы некоторых четвероногих животных имеют жаберные щели, это указывается как свидетельство того, что наземные животные произошли от рыб.

в) Географическое распространение. В геологическое время возникли естественные барьеры, разделившие виды, которые с тех пор развились. Таким образом, объясняется существование сумчатых (мешковидных животных —кенгуру, опоссума) на определенных ограниченных территориях, ограниченность некоторых растений определенными островами и т.д.

г) Классификация. Так называемое Древо жизни. Все живые формы можно расположить на диаграмме, называемой Древом жизни. Дерево имеет короткий ствол, указывающий на общее происхождение живого от неживого, и разделено на два больших ствола, представляющих растения и животных соответственно. "От каждого из них начинаются большие ветви, представляющие классы, от более крупных ветвей отходят более мелкие ветви, представляющие семейства, и так далее с все меньшими и меньшими ветвями, представляющими отряды и роды, пока мы не придем к листьям, представляющим виды, высота ветви, с которой они свисают, указывает на их место в росте великого древа жизни". (Клодд, *"История творения"*, стр. 103.) Существует точная градация от низших форм жизни к высшим. Сначала такие простые формы, как губки и кораллы, затем через червей, крабов, устриц и улиток к рыбам, а оттуда через амфибий, рептилий, хищных зверей, копытных и обезьян к человеку. Эволюционисты говорят, что в этой градации жизни мы видим иллюстрацию эволюции сложных форм от простых.

Происхождение Человека.

Согласно эволюционной гипотезе, человек связан с животным царством происхождением от грубого предка, который, имея обезьяноподобный вид, является общим предком обезьяны и человека. Считается, что доказательством такого вывода являются:

i. Зачатки строения, которые были полезны у какого-нибудь грубого предка. У человека сохранилось несколько элементарных мышц для подергивания кожи, например, на лбу; и указывается, что в настоящее время у многих животных есть такие мышцы, и утверждается, что способность некоторых людей двигать всей кожей головы указывает на существование мышц с такой функцией у наших животных предков. Червеобразный отросток у человека называется рудиментарным, поскольку он является всего лишь остатком гораздо более длинного и сложного отростка той же природы у современных животных.

2. Эмбриональное развитие. Поскольку детеныши всех животных похожи друг на друга, находясь на стадии эмбриона, и поскольку такое сходство обнаруживается у человека, делается вывод, что эволюция человека от какой-либо родственной животной формы должна быть принята как наиболее разумное объяснение.

3. Некоторые заболевания являются общими для животных и человека (туберкулез, холера, гидрофобия и др.).

4. Сходство в строении человека и обезьян.

5. Ископаемые останки человека. Были найдены определенные черепа и кости ног, которые, как говорят, представляют формы выше обезьяны и ниже человека. На основании таких находок утверждается, что "недостающее звено" теперь найдено.

Небулярная гипотеза.

Француз де Ла Плас (1827) впервые обнародовал в современной терминологии теорию, которой когда-то придерживались греческие философы, о том, что земля и система, в которую она входит, произошли из примитивного космического пара или вселенского огненного тумана, заполняющего все пространство бесконечно малыми атомами. В этой однородной массе возникло *движение*, результатом которого стала концентрация в одной точке. Результатом этой конденсации стали тепло и свет. Планетная система сначала состояла из огромного газового шара, который постепенно охлаждался, сжимаясь в расплавленную массу, которая под действием центробежной силы начала вращаться. Это вращение становилось все более быстрым по мере того, как масса конденсировалась, отбрасывая планеты, на которых процесс повторялся (отбрасывались спутники), пока земля не стала достаточно холодной для поддержания жизни.

Происхождение жизни.

Когда эволюционистов спрашивают о происхождении жизни на земле, они обычно отвечают, что на этот вопрос должна отвечать не наука, а философия. Однако этот вопрос возникает с такой настойчивостью, что биолог оказывается вынужденным предложить некоторое объяснение происхождения простейших растений и животных после того, как земной шар, согласно гипотезе, достаточно остыл, чтобы появились области, в которых могла возникнуть жизнь. Неизбежно должно исходить из предположения, что жизнь зародилась из безжизненной материи. Хаксли говорит: "Если гипотеза эволюции верна, живая материя должна была возникнуть из неживой материи, поскольку, согласно гипотезе, состояние земного шара в свое время было таким, что живая материя не могла существовать на нем, поскольку жизнь была полностью несовместима с газообразным состоянием". (В то время земля была газовым шаром.) Тиндалл немного конкретнее; он говорит, что комбинация электрических и химических сил, действующих на первичный ил, привела к зарождению зародышей жизни в виде маленьких пузырьков (везикул). Его слова таковы: "Первым шагом в создании жизни на этой планете была химико-электрическая операция, в результате которой были произведены простые зародышевые пузырьки". Везикулы состояли из протоплазмы, простого вещества (яичного белка), которое существует в клетках животных и растительных тканей и которое состоит из кислорода, углерода, водорода, азота и следов других элементов. Из этой первоначальной протоплазмы развилось огромное разнообразие живых существ.

Влияние эволюции на христианство.

Очевидно, что эволюционная теория не только противоречит библейскому рассказу о сотворении мира, но и, если она верна, лишает христианство всяких притязаний на то, чтобы быть истинной религией. Если все вещи возникли в результате действия сил, пребывающих в

материи, то мир возник не по божественному указанию или повелению. Как говорит Геккель: *"Всякое сверхъестественное творение полностью исключается"*. (Цитируется Джоном Фиске в *"Столетия науки"*, 1899, стр. 51.) Томас Хаксли столь же категоричен: "Я не только считаю доказанным, что история о Всемирном потопе - чистый вымысел; но я без колебаний утверждаю то же самое относительно истории о Сотворении Мира". (*"Наука и еврейская традиция"*, 1896, стр. 230.) Более того, теория, исходя из ее выводов, вкратце говорит о *бессмертии души*. Вера в бессмертную душу, по словам Геккеля, "совершенно исключается" из-за влияния эволюции на происхождение человека. *Падение человека* становится мифом, поскольку человек не пал с высокого положения, а на протяжении многих веков медленного развития пришел к использованию разума и господству над природой; предком нашей расы является не совершенный человек, созданный по образу Божьему, а двоюродный брат бесхвостых обезьян, недавно привыкший ходить на двух ногах. Без грехопадения человека нет ни возможности, ни даже необходимости *искупления*; вся наша христианская теология имела бы дело с призрачными абстракциями, необоснованными страхами и надеждами и бесцельными стремлениями. Вера христианина представляет для эволюциониста некоторую ценность как явление в истории разума, но ни в одной из доктрин христианской веры не признается ни малейшей внутренней ценности, даже в вере в *личного Бога*. Бог, согласно Спенсеру, *Непознаваем*. Естественно, не может быть чудес, поскольку все процессы в природе понимаются как управляемые законами, направленными не Божественным Разумом, а силами, обитающими в природе. Следовательно, также не может быть богодухновенного *откровения* Бога, поскольку это предполагало бы не только существование личного Бога, но и вмешательство в естественные процессы мышления (чудо). Джон Фиске писал: "Гипотеза вдохновения" наиболее определенно передает концепцию Божественного действия как локального, особого и преходящего; и в той мере, в какой она делает это, она несет на себе следы того языческого направления философии, которое было распространено, когда возник христианский монотеизм". (*"Дарвинизм и другие очерки"*, 1895.) Эволюция говорит: если Бог есть, у нас нет средств познать Его; и то, что мы знаем о природе, безусловно, исключает идею о том, что Бог, если Он существует, будет заботиться о человеке или нарушит законы природы даже на мгновение ради него. Вывод таков, что не существует богодухновенной Библии. Как, впрочем, и абсолютной религии. Все религиозные истины считаются относительными, без такого различия, как истинная религия и ложная религия, поскольку не существует критерия (согласно теории), с помощью которого мы могли бы проверить религию на истинность или ложность. Наконец, не существует абсолютного *стандарта морали*. Моральные истины, как и религиозные, лишь относительны. Другими словами, учение о том, что "Христос искупил грех", так же мало следует принимать как абсолютную истину, как заповедь: "Не укради" должна приниматься как воплощающее абсолютное правило поведения. Клодд говорит в *"Истории творения"*: "Человек сам по себе не только не прогрессирует, он также не столько аморален, сколько безнравственен. Ибо там, где нет общества, нет и греха! Следовательно, основы правильного и неправильного лежат в поведении по отношению к ближнему; моральное чувство, или совесть, является результатом социальных отношений, которые сами по себе являются результатом жизненной потребности Хотя низшие инстинкты, такие как голод, страсть и жажда мести, сильны, они не так устойчивы и не приносят удовлетворения, как высшие чувства, которые жаждут общества и сочувствия. И за уступкой низшему, какой бы приятной она ни была в данный момент, последует чувство сожаления о том, что он таким образом уступил, и решимость действовать по-другому в будущем. Таким образом, в конце концов, человек приходит к ощущению, благодаря

приобретенной и, возможно, унаследованной привычке, что для него лучше всего подчиняться своим более настойчивым импульсам Мораль относительна, а не абсолютна; *не существует фиксированного стандарта добра и зла*, которым измерялись бы действия всех людей во все времена..... Показано, что то, что человек называет грехом, чаще происходит из-за его несовершенного чувства истинной пропорции вещей и недостатка воображения, чем из-за его своеволия ". Клодд добавляет, что если поведение было основано на *"предполагаемых божественных повелениях (!)* относительно того, что человек должен и чего не должен делать", то это предположение в лучшем случае служит сдерживанию "грубых и невежественных".

Дж. Б. Уоррен из Калифорнийского университета хорошо описал влияние эволюционной теории на религию и мораль:

"Его законная тенденция состоит в том, чтобы лишить человечество того умственного и морального достоинства, которое всегда признавалось принадлежащим ему, и поставить его на один уровень с грубым творением — даже с низшими формами растительного и животного существования. Согласно этой теории, человек отличается от низших организмов не столько видом, сколько степенью развития. Сам мистер Дарвин был обеспокоен ценностью своих собственных убеждений на том основании, что его разум развился по сравнению с разумом низших животных. Иными словами, он считал свои собственные умственные действия бесполезными и ненадежными из-за существенной идентичности между его разумом и разумом низших существ, живущих в грязи наших болот. Таким образом, мы видим законную тенденцию этой теории принижать умственное достоинство человека. И это также унижает моральную природу и способности человека и подрывает сами основы моральных и религиозных принципов, поскольку учит, что человек — всего лишь более развитое животное - естественным результатом является то, что человек несет моральные обязательства не больше, чем животное, или не имеет никаких отличных от животного оснований моральных обязательств, а только лучшее представление о добре и зле, поскольку находится на более высоком плане в процессе эволюции. Это затрагивает корень учения о том, что люди по своему происхождению и природе несут особые обязательства перед Богом. По словам покойного доктора Роберта Паттерсона, такая теория имеет тенденцию "уничтожать веру в божественное происхождение и санкцию морали, а также в существование будущей жизни, полной наград и наказаний, и способствовать дезорганизации общества и деградации человека до уровня животных, живущих только по законам своих звериных инстинктов ". Такая теория бесчестит человека и оскорбляет Бога ".

Когда эти расхождения между мировоззрением, основанным на христианской вере в Откровение, и мировоззрением, основанным на теории эволюции, будут однажды ясно поняты, отпадет необходимость задаваться вопросом, почему, с одной стороны, враги Библии во всех слоях общества с такой радостью приветствовали принцип, провозглашенный Дарвином, и почему, с другой стороны, главной целью христианской апологетики стала демонстрация того, что христианство *оправдано даже разумом* в том мировоззрении, которое оно насаждает, и что, с другой стороны, *эволюционная гипотеза верна. противоречит фактам религии, истории и естествознания.*

ГЛАВА ВТОРАЯ. Необъяснимое происхождение.

Эволюционная схема развития принимается ее создателями и защитниками в качестве рабочей гипотезы, согласно которой считается, что происхождение всех форм, которые приняла

материя, и деятельности живых существ, включая человека и человеческое общество, может быть объяснено. Это попытка ответить на старый вопрос, который возникает у мыслящего ума при созерцании природы: *откуда* эти вещи? Это теория происхождения.

Итак, гипотеза, будучи "теорией или предположением, временно используемым для объяснения явлений", должна быть проверена, прежде чем ее можно будет принять за истину. Более того, она может выступать *даже в качестве гипотезы* только в том случае, если она проходит проверку наблюдением и экспериментом. Если он сможет продемонстрировать свою приспособленность для объяснения всех фактов, он может быть принят в качестве теории до тех пор, пока не будет предложена другая, лучшая теория. Если она не объясняет факты, ее следует изменить или отказаться от нее.

Поскольку эволюционная гипотеза используется для объяснения определенного происхождения, законной проверкой теории является ее адаптация для объяснения этого происхождения. Этот тест мы сейчас применим. Мы попытаемся ответить на вопрос: имеет ли эволюционная теория право называться рабочей гипотезой? Способна ли она объяснить те вещи, на объяснение которых претендуют ее представители? Объясняет ли это происхождение вселенной, жизни и различных форм жизни?

Ученые, как правило, отказываются от каких-либо намерений объяснять происхождение материи на основе своей гипотезы. Когда им предлагается, что любая теория происхождения должна также учитывать ПЕРВОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ, начало вещей, они направляют нас к философии: "Эволюция не связана с происхождением материи; она принимает материю как должное; происхождение материи - это собственно философская, а не научная проблема".

Давайте обратим внимание на ошибочность этой позиции. Во-первых, неуместно использовать слово "наука" в этом заявлении. Наука, действительно, занимается только тем, что может быть продемонстрировано наблюдением и из опыта; и поскольку никто не видел зарождения материи, наука, по сути, не занимается этим. Но эволюция - это не наука. Это гипотеза, теория. Это объяснение, предлагаемое для определенных явлений. "И у нас есть право требовать, чтобы, если она хочет признания даже в качестве теории, она объясняла эти явления. Итак, принцип эволюции таков: все вещи развились благодаря определенным силам, присущим материи. Другими словами, без какого-либо воздействия извне (например, без творческого слова Божьего) *universe* [tr. примечание: sic] стало тем, чем оно является сегодня. В материи изначально существуют определенные силы, неотделимые от материи. Они действовали таким образом, что очень простые растения и животные стали очень сложными; и это без какого-либо направляющего Разума. Это эволюционная теория. Итак, мы считаем, что теория, претендующая на объяснение зарождения всей животной жизни (и каждого вида животной жизни), зарождения растительной жизни (и каждого вида растительной жизни), зарождения зародышей жизни на земном шаре, солнца и звезд, не может остановиться, когда мы еще больше углубляемся в наши вопросы и спрашиваем: откуда возникает материя? Откуда берется сила?

И в самом деле, эволюционисты не стесняются выражать свое мнение относительно происхождения материи и силы. Вселенная в том виде, в каком она существует сегодня, состоит из материи, расположенной в различных формах - звезд, горных пород, растений, животных, — и наделенной энергией в различных формах; и с самой ранней эпохи умозрения, как мы видели, человеческий разум представлял себе время, когда существовала *неорганизованная* материя,

субстанция без формы. Подобно древнегреческим философам, эволюционисты сегодня пытаются сформулировать рабочую гипотезу, объясняющую происхождение вселенной. Считается, что в широком смысле *Небулярная гипотеза*, выдвинутая Ла Плейсом, указывает на то, каким образом развивались земля и система, к которой она принадлежит. В нашей первой главе мы кратко изложили основные черты этой теории. Теперь мы укажем на трудности, которые стоят на пути принятия ее даже в качестве рабочей гипотезы.

1. Гипотеза о туманностях предполагает, что за прошедшее бесконечное время существовало неисчислимо количество первоначальных атомов. Давайте поймем, что согласно так называемой атомной теории, материя состоит из неделимых частиц, называемых *атомами*. С момента открытия радия эта теория была значительно модифицирована, и теперь считается, что каждый атом состоит из многих тысяч более мелких частиц, называемых электронами. Однако, называем ли мы их атомами или электронами, предполагается, что мельчайшие неделимые частицы материи существовали в бесконечно далеком прошлом. В настоящее время происхождение этих простейших составных частей материи *остается неразгаданной тайной*. Разум не способен даже сформулировать предположение относительно их организации.

2. Вторым постулатом Небулярной гипотезы является *происхождение силы и движения* в огромном газовом шаре, который существовал вначале. Ла Плейс говорит, что "в какой-то момент в однородной массе произошла концентрация, это сжатие вызвало излучение тепла и света, а из-за разницы температур возникло *движение* и динамическая реакция". Трудность, которая присуща этому постулату, заключается в неоспоримом факте, что все движение в природе подчиняется определенным неизменным *законам**, [* Эти законы, насколько известно, составляют основу того, что мы называем физикой и химией.] и *происхождение этих законов* не объясняется теорией. Законы никогда не создаются сами по себе, и их сложность, неизмеримо превосходящая наши возможности исследования, но везде приспособленная к определенной цели, настолько сложна, что их происхождение ни в коем случае нельзя объяснить случайностью.

3. Согласно теории, сначала материя находилась в "*туманной*" (*газовой*) *форме*, и что существующие газы, рассеянные в пространстве, в результате возникшего движения превратились из огромного шара огненного тумана в полутвердую сферу, которая отбрасывала меньшие сферы (планеты), которые постепенно становились твердыми. Это противоречит нашим знаниям о газах. Газы могут образовываться из твердых веществ, но раскаленный газ не может при простом движении превратиться в твердое вещество. Газы могут затвердевать, но только двумя способами: под давлением или при сильном охлаждении, когда они превращаются в лед. Но они не сохраняют эту форму при удалении давления или охлаждающего агента. Все газы, какими мы их знаем, имеют тенденцию неограниченно расширяться. У них нет тенденции к затвердеванию, как предполагает гипотеза.

4. Ла Плейс предположил, что солнечная система, все еще находясь в газообразном состоянии, начала вращаться вокруг своей оси, и что по мере того, как газовый шар продолжал вращаться, он конденсировался. По мере того как продолжалась конденсация, вращение становилось быстрее, и от твердеющей сердцевины отделялось кольцо вещества. Это кольцо снова превратилось во вращающийся шар, который, все еще находясь в текучем состоянии, отбрасывал другие шары, которые вращались вокруг своей матери, первой планеты, в то время

как последняя продолжала следовать по орбите вокруг центрального тела - Солнца. Таким образом, планеты солнечной системы, включая Землю, (согласно теории) эволюционировали вместе со своими спутниками или лунами. Трудность, сопровождающая этот взгляд на эволюцию планет, заключается в различии *между движениями ряда спутников* вокруг планет. В то время как спутники Земли, Юпитера и Сатурна вращаются *с запада на восток*, спутники Урана и Нептуна имеют орбитальное движение *с востока на запад*. Сторонники небулярной гипотезы также считают это одной из серьезнейших трудностей, поскольку никакой механический закон не объяснит обратного движения спутников самых отдаленных планет, когда предполагается, что они, а также Юпитер, Сатурн и остальные были отброшены одним и тем же центральным телом.

5. Согласно теории, первоначальные атомы в процессе мироздания объединились в *молекулы*. Законы, согласно которым атомы объединяются, — так что, например, каждый атом водорода соединяется с двумя атомами кислорода, и так далее по списку всех известных существований, — эти законы относятся к числу гарантированных результатов научного изучения. Итак, вся наука химия во всех ее разделах построена на аксиоме, что молекулы *абсолютно неизменяемы* и что молекулы одного и того же вида всегда абсолютно идентичны. Молекула воды всегда и неизменно состоит из двух атомов водорода и одного кислорода. Молекула серной кислоты неизменно содержит два атома водорода, один - серы и четыре - кислорода. Молекула хлората калия всегда состоит всего из одного атома хлорида калия и трех атомов кислорода. Эти пропорции никогда не изменяются в одном и том же элементе, и химик, не обращаясь к элементам, а просто путем математических расчетов, безошибочно создает новые комбинации, полагаясь на абсолютное постоянство соотношений атомов и молекул. Итак, теория о том, что в начале вещей из массы атомов, бесформенно рассеянных в пространстве, возникли молекулы, каждый вид которых состоит из атомов в присущей ему пропорции, не может быть принята, пока не будет показано, каким образом возникли законы, согласно которым происходят эти сочетания. Клерк Максвелл завершает мастерское изложение этого аспекта гипотезы вопросом: "Кто может удержаться от скрытого вопроса, откуда же тогда эти мириады типов одной и той же буквы отпечатались на земле, солнце, звездах, как если бы сама форма, используемая здесь, была одолжена Сириусу и передана дальше по созвездиям? Никакая теория эволюции не может быть сформирована для объяснения сходства молекул во все времена и во всей области звездной вселенной; ибо эволюция обязательно подразумевает непрерывные изменения, а молекула (как известно науке) неспособна к росту или распаду, к зарождению или разрушению".

Происхождение жизни.

Происхождение жизни на нашем земном шаре не объясняется на основе эволюционной гипотезы. В какой-то момент в отдаленном прошлом, согласно этой теории, должно было произойти развитие живого вещества на минеральной основе. Но если научный эксперимент что-то и показал, то он показал нереальность того, что называлось "спонтанным зарождением". Этот термин был очень популярен среди ученых столетие или два назад. Считалось, что определенные животные и растительные формы в процессе разложения дают начало жизни насекомых. Разлагающееся мясо дает начало личинкам. Происхождение этих личинок объяснялось способностью к "самопроизвольному зарождению". Когда итальянский натуралист Реди обнаружил, что исключение мух из мяса - это все, что необходимо для предотвращения производства личинок, доктрина самопроизвольного зарождения была

полностью опровергнута, по крайней мере, для его времени. Но микроскоп выявил в "чистой" воде присутствие тысяч маленьких существ, инфузорий. Чтобы объяснить их присутствие, снова обратились к спонтанному зарождению. Но знаменитые эксперименты Пастера (о которых рассказал Хаксли в своих лекциях о происхождении видов, лекция III) убедительно доказали, что в стерилизованной воде не будут образовываться живые формы, если исключить микробы, витающие повсюду в воздухе. С тех пор все ученые согласны с тем, что не существует такой очевидной вещи, как спонтанное зарождение. Стало аксиомой, что "Жизнь возникает только из жизни". Но как возникли первые зародыши жизни - это вопрос, на который нет ответа. Хаксли признает: "О причинах, приведших к возникновению живой материи, можно сказать, что мы абсолютно ничего не знаем". "Нынешний уровень знаний не дает нам никакой связи между живым и неживым".

Однако, хотя самопроизвольное зарождение "абсолютно немыслимо" (Дарвин), и хотя никакие эксперименты, проводимые с мертвой материей, никогда не приводили к образованию живой материи (растительной и животной), согласно эволюционной гипотезе, жизнь должна была когда-то возникнуть из неживой. Теория предполагает, что в какой-то момент земной шар находился в стадии накаливания. В то время на нашей земле не могло быть никакой жизни. Но по мере остывания земли считается, что в результате некоего химико-электрического воздействия (электрическая сила, действующая на элементы в благоприятных сочетаниях) инертная, безжизненная материя приобрела свойство, которое мы называем жизнью, и это первоначальное живое вещество называется протоплазмой. Считается, что из него путем последовательных модификаций, медленных в своем действии, развилось огромное разнообразие живых существ. Примечательным фактом является то, что многие эволюционисты (среди них Альфред Рассел Уоллес, соавтор теории, известной под именем Дарвина) откровенно признают неспособность объяснить происхождение протоплазмы. От минеральных веществ протоплазма отличается тем, что она обладает способностью к росту, развитию и размножению. Самая первая растительная клетка "должна была обладать совершенно новыми способностями, - говорит м-р Уоллес, - к извлечению углерода из воздуха и к неограниченному размножению. Здесь, — обратите внимание на это признание, — у нас есть признаки того, что *новая сила действует*". Другими словами, сил, присутствующих в материи, больше недостаточно. Эволюционистский принцип рушится.

Около пятидесяти лет назад считалось, что было найдено экспериментальное доказательство присутствия на земле первоначальной, простой, неорганизованной протоплазмы; что в глубинах океана была обнаружена основа всей жизни на земле. История этого "открытия" увлекательно рассказана герцогом Аргайлом в журнале *"Девятнадцатый век"*. Мы цитируем его статью.

"Наряду с более ранними образцами глубоководных отложений, отправленными домой натуралистами во время первых зондирований в связи с атлантическим телеграфным кабелем, в бутылках с содержимым очень часто обнаруживалась своего рода обволакивающая слизистая жидкость, которая привлекала внимание и возбуждала любопытство специалистов, которым они передавались. При любом микроскопическом исследовании она была бесструктурной. Но такова и вся протоплазматическая материя, из которой состоят низшие животные. Может ли это быть широко распространенная среда из этого протоплазматического материала, еще не специализированная и не индивидуализированная в органические формы, и сама еще не в состоянии создать неорганические скелеты для обитания? Это была грандиозная идея. Было бы

неплохо найти недостающие звенья; но еще лучше было бы найти изначальную субстанцию, из которой произошло все живое. Ультрарадарвинистские энтузиасты были очарованы. Геккель захлопал в ладоши и громко воскликнул *Эврика!* . Даже осторожный и проницательный ум профессора Хаксли был захвачен этим новым и грандиозным обобщением "физической основы жизни"; оно было объявлено им Британской ассоциации в 1868 г. Доктор Уилл Карпентер подхватил припев. Он говорил о "живом пространстве протоплазменного вещества", пронизывающего своим живым веществом "всю массу" океанического ила. Для этой материнской слизи было придумано прекрасное новое греческое название, и ее окрестили "Батибий" (от двух греческих слов, означающих "глубина" и "жизнь"), "из-за освященных глубин, в которых она находилась. Концепция, подобно лесному пожару, распространилась по популярной научной литературе. Воображение будущего сыграло свою роль. Вскоре в этой таинственной слизи были замечены удивительные движения. Она превратилась в "нерегулярную сеть", и было видно, как постепенно "менялась ее форма", так что "запутанные гранулы меняли свое относительное положение".

Таков был Батибий, который когда-то вызвал такой переполох в мире науки, но о котором сегодня никогда не слышали и даже не упоминают в научных кругах. А теперь перейдем к вопросу об этом многообещающем открытии. В 1872 году "Челленджер" под командованием Джона Мюррея отправился в глубоководное исследовательское путешествие. Натуралисты с "Челленджера" начали свое путешествие с полной верой в Батибию. Но твердый ум мистера Джона Мюррея сохранял равновесие — тем более что ему самому так и не удалось найти или увидеть никаких следов этой протоплазмы, *когда земснаряды "Челленджера" поднялись со дна океана*. Снова и снова он искал его, но так и не смог обнаружить. Оно всегда было родом из Англии. Сообщалось, что в бутылках, отправленных туда, его было в избытке, но каким-то образом казалось, что оно вылупилось именно в них. Лаборатория в Лондоне была его неиссякаемым источником. Океан никогда не выдавал его, пока он не был разлит по бутылкам. Наконец, однажды на борту "Челленджера" несчастный случай раскрыл тайну. Один из помощников мистера Мюррея налил большое количество винного спирта в бутылку с чистой морской водой, и тут - о чудо! появилась чудесная протоплазма Батибий! Это был *химический осадок сульфата извести*, полученный смесью спирта и морской воды! После этого "Батибий" исчез из науки".

Термин "протоплазма", действительно, был сохранен авторами по биологии. Считается, что все тело животного и структура растений состоят из клеток. Клетки состоят из бесцветного вещества, и это называется "протоплазма". Это вещество очень сложного химического и физического состава, фактически, ни один химик еще не смог его проанализировать, и известный биолог говорит, что, весьма вероятно, оно никогда не будет проанализировано (Дэвид Старр Джордан). Протоплазма, подобно яичному белку, является основной субстанцией жизни, однако в разнообразии форм, которые она принимает, она имеет *"почти неограниченную сложность"* (Джордан). Теперь, когда рассматривается этот сложный характер протоплазмы в том виде, в каком она сейчас обнаруживается у животных и растений, возникает новая трудность. Прозрачная (неизменная) протоплазма, содержащаяся в яичном белке и белых клетках крови, представляет собой бесструктурное вещество, называемое белком. Однако протоплазма почти бесконечно различается по консистенции, форме, структуре и функциям. Иногда он настолько текуч, что способен формироваться в виде капель, иногда полужидкий, иногда почти твердый. По форме ячейки могут быть булавовидными, шаровидными, с резьбой, плоскими, коническими. Одна протоплазма производит жир, другая -

нервные вещества, третья - мозговые вещества, кости, мышцы и т.д., Причем каждая производит только свой вид, не изменяемый с остальными. Наконец, существует ошеломляющий факт, что существует бесконечное различие протоплазмы у бесконечно разных растений и животных, у каждого из которых *своя протоплазма, но производит свой собственный вид*. "Здесь несколько тысяч кусочков протоплазмы; анализ не может обнаружить в них никакой разницы. Они для нас, скажем так, как и для мистера Хаксли, идентичны по силе, форме и содержанию; и все же во всех этих нескольких тысячах маленьких кусочков внешне неразличимой материи запечатлен элемент различия, настолько всепроникающий и стойкий, что из них всех ни один не является взаимозаменяемым с другим! Каждое семя питает себе подобных. Протоплазма комара превратится в муху не больше, чем в слона. Протоплазма есть протоплазма; да, но протоплазма человека есть протоплазма человека, а гриб есть гриб". (Доктор Стерлинг, "*Что касается протоплазмы*".) Следовательно, мы вынуждены признать не идентичность протоплазмы во всех веществах, а бесконечное разнообразие. Отсюда следует, что происхождение всех форм растений и животных от первоначальной крупинки или зародыша живой материи не только не доказано, но и противоречит биологической науке.

Сам Дарвин, как и его коллега Уоллес, был вынужден признать, что происхождение жизни представляет собой нерешенную проблему. Материя и сила не объясняют ее. Дарвин принял божественное повеление где-то в начале. Он говорит. "Есть величие в этом взгляде на жизнь с ее несколькими силами, которые изначально были вдохнуты Творцом в первые формы или в одну из них". Другими словами, создание первого живого существа было исключительным видом силы. Но если, как говорит мистер Дарвин, Жизнь была вдохнута Творцом в первые формы, это представляет собой нарушение достаточности одних только естественных причин для возникновения жизни. Если в этот момент было необходимо специальное распоряжение, то почему его не могло быть в других случаях? Если считается, что жизнь возникла благодаря божественному всемогуществу, то почему мы не должны верить, что благодаря божественному всемогуществу были выведены различные виды растений и животных, как описано в первой главе Библии? "Если бы Творец мог вдохнуть жизнь в несколько форм или в одну, как, по мнению Дарвина, он это сделал, не нарушая закона своего собственного существа и в соответствии с законами, которые он установил, кажется очевидным, что он мог бы в другое время вдохнуть жизнь в другие формы в соответствии со своими законами. Я не вижу необходимости в логике, которая заставляла бы Создателя ограничивать количество своих творческих фиатных билетов несколькими или одним, равно как и в том, которая ограничивала бы фиатные билеты одним разом". (Фэрхерст, "*Рассматриваемая органическая эволюция*".)

Биологические барьеры.

Атом, молекула, зародыш жизни - вот барьеры, которые стоят против эволюционистской концепции происхождения с физической стороны. Мы переходим к изучению моментов, в которых *биология* затрагивает нашу проблему, и снова три барьера требуют внимания и исследования: разница между растениями и животными; разница между позвоночными и беспозвоночными; и разница между млекопитающими и всеми другими позвоночными.

1. *Откуда взялось животное царство?* Эта стадия на шкале жизни, переход от растительного царства к животному, снова цитируя мистера Уоллеса, "полностью выходит за рамки всякой возможности объяснения с помощью *матери*, ее законов и сил. Это введение *ощущения или сознания*, составляющего фундаментальное различие между животным и растительным

царствами ". Растения живут, животные живут *и чувствуют*; и у них есть сознание. На этом этапе, опять же, только убежденный материалист будет отрицать действие внешней силы, силы, не пребывающей в материи, но изменяющей и формирующей материю извне и наделяющей ее новыми способностями. Только проявление этой Силы Вовне могло наделить живую субстанцию чувством и сознанием. Здесь никто больше не может апеллировать к тому неопределенному химико-электрическому действию, с помощью которого некоторые пытаются объяснить протоплазму. М-р Уоллес говорит: "Здесь ни о какой идее простого усложнения структуры, приводящего к результату, не может быть и речи. Мы считаем совершенно абсурдным предполагать, что на определенной стадии сложности строения атома и только как необходимый результат этой сложности должно начать существовать *это* — то, что *чувствует*, что *осознает* свое собственное существование. Здесь мы имеем уверенность в том, что возникло нечто новое — существо, зарождающееся сознание которого продолжало возрастать в силе и определенности, пока не достигло кульминации в высших животных. Никакие словесные объяснения или попытки объяснения — такие, как утверждение, что жизнь является "результатом молекулярных сил протоплазмы", или что вся существующая органическая вселенная от амебы до человека была скрыта в огненном тумане, из которого развилась Солнечная система, - не могут принести нам никакого умственного удовлетворения или каким-либо образом помочь нам в разгадке тайны ".

2. *Откуда берется костяк?* Все животные делятся на позвоночных и беспозвоночных, животных с позвоночником и животных без него. Между этими двумя группами барьер позвоночника остается непреодолимым до тех пор, пока не будет объяснено, как бабочка могла превратиться в птицу, улитка - в змею, а морская звезда - в скелет акулы. Эти две группы, позвоночные животные и беспозвоночные, следует рассматривать как принципиально разные.

3. *Откуда берется грудь?* Позвоночные бывают либо млекопитающими, либо подчелюстными. Безгрудые племена - это невесты, рептилии и рыбы. Они находятся намного ниже по шкале, в то время как млекопитающее, благодаря своему особому дарованию, заключающемуся в том, что оно кормит грудью своих детенышей, стоит избранно, высоко и обособленно. Пока не будет показано, как животное, которое никогда не получало молока от своей матери, споткнулось о способности давать то, чего ему никогда не давали, *грудь* будет стоять, вопреки всем мечтам о развитии, барьером-компаньоном для позвоночника. Нет также животного, которое можно было бы рассматривать как связующее звено между этими двумя основными группами.

"Теистический" эволюционист, который верит, что Бог в разное время "помогал" силам, обитающим в материи, создавая что-то новое, склонен утверждать, что в каждом из этих моментов — происхождении первого разумного животного, происхождении первого позвоночного и первого млекопитающего — Бог своим всемогуществом вызвал возникновение нового типа. Помимо того факта, что "силы, присутствующие в материи", основная идея эволюционистской теории, здесь начинает несколько ослабевать как фон даже для "теистической" концепции развития, очевидно, что мы уже достигли точки далеко внизу по шкале органической эволюции, в которой необходимо признать, что никакая возможная работа сил внутри материи не может объяснить изменения. И снова мы говорим: если мы уже допускаем, что различные великие виды животной жизни не могли возникнуть без особого творческого акта Бога, то почему бы нам не принять запись Книги Бытия, в которой говорится, что различные виды растений и различные виды животных были созданы, каждый отдельным

видом, в самом начале? Стоит только допустить особые творческие акты, и больше не будет необходимости в гипотезе эволюции.

Человек.

Трудность, стоящая на пути принятия на чисто научных основаниях факта происхождения человека от животного предка, является, прежде всего, биологической (физиологической) трудностью. Среди всех млекопитающих (если принять классификацию человека с этой группой) только у человека совершенный мозг. Под этим мы подразумеваем физиологически и структурно совершенный мозг. Она присутствует даже в самом низшем человеке — присутствует как у негра или австралийского бушмена, так и у цивилизованного американца; и отсутствует у всех живых существ ниже человека — отсутствует у обезьяны или слона так же верно, как и у низших млекопитающих, кенгуру или утконоса. Его признаком является *язык*, способность к *прогрессу*, *культура*. Любой здоровый человеческий мозг структурно совершенен; мозг высших животных структурно несовершенен. Наименее образованный человек восприимчив к культуре; дикарь не только владеет языком, но и может быть образован, чтобы ценить искусство Рафаэля или Шекспира. Мозг всех других живых существ ограничен инстинктом, который никогда не развивается. Таким образом, совершенный мозг создает еще один непреодолимый биологический барьер, разделяющий мир жизни.

Однако происхождение человека от животных предков сопряжено с другой, еще большей трудностью. Мозг, в конце концов, всего лишь орган, это орган *Разума*. Человек обладает интеллектуальными способностями (рассудком, воображением, художественными способностями и т.д.) И, прежде всего, нравственной природой, которая возвышает его намного над животным. Эти способности никак не могли быть развиты с помощью сил, присутствующих в материи, или с помощью законов, которые созданы для объяснения физической вселенной.

Сам термин "эволюция" подразумевает развитие чего-то, что изначально было вовлечено или по существу лежало в основе того, с чего началась эволюция. В человеке есть качества и способности, не проявляемые низшими порядками. Эволюция, стремясь быть последовательной, отвечает: "Это правда, что способности не могут развиваться из чего-либо, если они не существуют в этом предмете в грубом и неразвитом состоянии, но эти высшие способности *существуют* в низших порядках, потенциально или в зародышевой форме, и развиваются и начинают действовать только в высших формах жизни".

Эволюционисты не уклоняются от применения своей теории к человеческому разуму. Атрибуты Шекспира и моральная природа Павла были, по существу или потенциально (способны к развитию), присущи морской звезде и медузе. Разница заключается не в виде, а в развитии и степени. У человека эти способности развиты, у животных они неразвиты. В "*Жизни и письмах Чарльза Дарвина*", опубликованном его сыном, есть письмо мистера Дарвина У. Грэму, написанное в 1881 году, из которого я цитирую следующее: "У меня нет практики в абстрактных рассуждениях, и я, возможно, совсем сбился с пути. Тем не менее, вы выразили мое внутреннее убеждение, хотя и гораздо ярче и яснее, чем я мог бы это сделать. Но тогда у меня всегда возникает ужасное сомнение *в том, имеют ли убеждения человеческого разума, развившегося у низших животных, какую-либо ценность или им вообще можно доверять*". И снова он говорит (стр. 528) в другом письме, адресованном сэру К. Лайеллу: "Наделите простое архетипическое существо, такое как грязевая рыба или лепидосирен (грязевой угорь), пятью

чувствами и некоторыми остатками разума, и я верю, что естественный отбор объяснит происхождение каждого позвоночного животного, включая, конечно, человека".

Обратите внимание, что этот язык очень определенный. В нем говорится, что разум человека, со всеми его замечательными качествами и способностями, развился из разума низших животных — и он опускается так же низко, как грязевая рыба и угорь, которые живут в иле болот. Итак, тот, кто желает поверить в такое абсурдное предположение, может это сделать. Он способен поверить почти во что угодно и не верить всему. Сам мистер Дарвин говорит, что он считает убеждения человека не имеющими ценности, потому что это убеждения разума, происходящего от разума низших животных; и никто не может обвинить его в скептицизме. Наша точка зрения, однако, заключается в том, что существует такая огромная разница между интеллектуальными и моральными способностями человека и едва ли инстинктивными импульсами низших созданий, что никто не может увидеть никакой связи между ними, если только в его собственном ментальном или моральном восприятии нет какого-либо серьезного дефекта. Каждый инстинкт и убеждение человеческого разума восстают в негодуящем отрицании теории происхождения человека.

Даже среди убежденных дарвинистов есть такие, кто подводит черту под этим (необходимым) применением идеи развития. Уоллес говорит в заключение своей защиты дарвинизма: "Способности человека никак не могли быть развиты посредством тех же законов, которые определили прогрессивное развитие мира в целом, а также физического организма человека" - человеческого тела. Он находит в "происхождении разума" четкие указания на "невидимую вселенную — мир духа, которому мир материи полностью подчинен". (*"Дарвинизм"*, стр. 320.) Тем не менее, развитие разума с помощью чисто физических сил поддерживается большинством эволюционистов по сей день. Это учение встречается даже в учебниках для общеобразовательных школ. В *"Физической географии" Дэвиса*, учебнике для средней школы, мы читаем на странице 341:

"Более высокий интеллект многих наземных животных по сравнению с морскими также следует рассматривать как результат развития наземных животных в условиях большего разнообразия географических условий, чем в морях. ... Удивительный интеллект человека был развит на землях, потому что только на землях можно найти великое разнообразие форм, климата и продуктов, которые могут стимулировать развитие высокого интеллекта. Для человека было бы так же невозможно развиваться как обитателю темного и однообразного океанского дна, как для цивилизации возникнуть на замерзших и безлюдных землях Антарктики".

Таким образом, даже детям нашего поколения преподают доктрину, которая не только недоказана, но и настолько далека от объяснения того, для объяснения чего она была изобретена, что ни по какому правильному определению она не может быть удостоена даже названия "рабочая гипотеза". Это теория происхождения, которая не в состоянии точно объяснить одну вещь — Происхождение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Свидетельство камней.

Мы видели, что главный аргумент в пользу развития высших типов жизни из низших организмов основан на изучении ископаемых остатков (палеонтологии). Чем древнее слои на поверхности земли, тем проще обитающие в них животные формы; чем более поздние слои, тем более сложными и высокоразвитыми являются ископаемые останки. Научно-популярные работы и

справочные книги, как правило, цитируют это как аксиому: в древнейших породах найдены простейшие окаменелости, следовательно, высшие животные произошли от низших. Дэвис "Физическая география" [tr. примечание: так в оригинале] говорит (стр. 17):

"Возраст Земли.—Невозможно сказать, каков возраст Земли и Солнечной системы, но его, безусловно, следует исчислять миллионами и миллионами лет. Есть все основания полагать, что солнце и планеты существовали неопределенно долгое время, прежде чем состояние поверхности земли стало таким, что позволило заселить планету растениями и животными. Отпечатки или окаменелости различных растений и животных в древних слоях горных пород хорошо доказывают, что эти низшие формы жизни существовали на земле в течение огромного периода времени, за миллионы и миллионы лет до появления человека ".

Таким образом, здесь мы прямо сталкиваемся с проблемой. Либо камни свидетельствуют о медленной эволюции растительной и животной жизни, либо они не дают таких свидетельств. Профессор Даунинг из Чикагского университета говорит, что это действительно единственный основной аргумент в пользу эволюции, остальные просто подтверждают его. На этом камне эволюционисты строят свою научную веру. Давайте разберемся.

Для начала отметим, что в горных породах действительно сохранилось большее количество видов, как животных, так и растений, — фактически тысячи. Здесь есть низшие организмы, разновидности крабов и каракатиц, и более высокоорганизованные формы, рыбы и птицы, а также отпечатки и окаменелые кости огромных чудовищ, огромных ящеров, ленивцев и других млекопитающих. В этом огромном каталоге окаменелостей можно установить градацию, начиная с самых крупных или наиболее совершенно развитых и заканчивая животными, стоящими ниже по шкале жизни; или наоборот. Эволюционисты говорят, *наоборот*, сначала простейшее, а самое сложное последним, и затем они добавляют: *так* они развились.

Здесь мы сначала процитируем одного из первых палеонтологов и одного из самых известных, Хью Миллера, чей "*Старый красный песчаник*", впервые опубликованный в 1841 году, теперь переиздан в "*Библиотеке обывателя*". В этой блестящей работе Миллер отдает дань уважения эволюционистам своего времени. Он относится к Ламарку и говорит: "хитроумный иностранца, от силы несколько поразительных фактов, которые доказывают, что в определенной степени инстинкты вид может быть улучшен и усиленными, и их формы меняются от более низкой к более высокой степени адаптации к их обстоятельствам, пришел к выводу, что существует естественного прогресса от низших порядок бытия к высшим, и что от весны существа минимум в масштабах в настоящее время может занимать гораздо более высокое место в нем, и принадлежат к разным и благороднее видов, несколько тысяч лет. . . . Он утверждал, что по этому принципу совершенствования и адаптации, которая, как мы рационально может, все-таки покинет овощ овощем, а собака Собака,—что в подавляющем течение веков, уступает поднялись к высшей природе и в высших рас; что моллюсками и зоофиты прошли в рыб и пресмыкающихся, и рыб, и рептилий в птиц и четвероногих; что неформленной желеобразной органов, с организацией, едва прослеживается, уже превратились в дубы и кедры; и что обезьяны и человекообразные обезьяны превратились в человекоподобных существ, способных понимать и восхищаться теории Ламарка.

"Закон природы таков, - продолжает м-р Миллер, - что цепь бытия, от низшей формы жизни к высшей, должна быть в какой-то степени непрерывной цепью; что различные классы существования должны переходить друг в друга, так что часто оказывается делом немалой трудности указать точную демаркационную линию, где заканчивается один класс или семейство и начинается другой класс или семейство. Натуралист переходит от растительных племен к животным, едва осознавая среди запутанных форм промежуточного существования, в какой момент он покидает пределы одного, чтобы вступить в пределы другого. Все семейства животных аналогичным образом имеют свои связующие звенья; и главным образом из них такие авторы, как Ламарк и Майе, конструируют свою систему. *Они путают постепенность с прогрессом.* Джеффри Хадсон был очень невысоким человеком, а Голиаф из Гата - очень высоким; а градации человеческого роста лежат между ними. Но постепенность - это не прогресс; и хотя мы находим взрослых мужчин ростом пять футов, пять футов шесть дюймов и шесть с половиной футов, этот факт не дает нам никакой уверенности в том, что раса растет и что в какой-то будущий период средний рост человеческой семьи составит от десяти до одиннадцати футов. И столь же необоснованным является аргумент о том, что отказ от принципа градации в расах уменьшил бы принцип прогресса в расах. Высокий человек шести футов ростом должен питать столь же слабую надежду подняться до одиннадцати футов, как и коротышка пяти лет; и у рыбы, которая время от времени летает, не больше шансов превратиться в птицу, чем у рыбы, которая только плавает. Геология изобилует существами промежуточного класса. *Но это не дает никакой генеалогической связи, чтобы показать, что существование одной расы происходит от существования другой.* Сцена меняется по мере того, как мы переходим от формации к формации; в каждой мы знакомимся с новыми действующими лицами. Из всех позвоночных рыбы занимают самое низкое место и в геологической истории появляются первыми. Итак, рыбы очень сильно различаются между собой: некоторые занимают почти такое же низкое положение, как черви, а некоторые — почти такое же высокое, как рептилии; и если бы рыбы могли подняться до пресмыкающихся, а рептилии - до млекопитающих, мы неизбежно ожидали бы обнаружить, что низшие категории рыб переходят в высшие и со временем превосходят высшие по своему внешнему виду. Если это не так, — если рыба впервые появилась не в наименее совершенном, а в наиболее совершенном состоянии, — не в своем ближайшем приближении к червю, а в своем ближайшем приближении к рептилии, — то нет места для развития, и аргумент отпадает. Итак, это геологический факт, что *первыми на этой стадии появляются рыбы высших порядков*, и что обнаружено, что они занимают точно такой же уровень в течение обширного периода, представленного пятью последующими формациями. Прогрессии нет. Если рыбы превратились в рептилий, то это должно было произойти в результате внезапной трансформации. В данном случае от чуда не избавиться — нет альтернативы между сотворением мира и метаморфозой. Неверующий заменяет Божество прогрессом; Геология отнимает у него его Бога".

Затем м-р Миллер рассказывает о своем открытии крылатой рыбы (*Pterichtys*): "Из всех организмов Старого Красного песчаника одним из самых необычных и тем, от которого Ламарк пришел бы в наибольший восторг, является *Pterichtys*, или крылатая рыба. Если бы Ламарк был первооткрывателем, он, несомненно, пришел бы к выводу, что поймал рыбу почти в тот момент, когда она хотела превратиться в птицу. Вот крылья, на которых отсутствуют только перья, тело, которое, по-видимому, было так же хорошо приспособлено для передвижения по воздуху, как и по воде, и хвост, с помощью которого можно управлять кораблем. Мне очень жаль, что я не могу передать читателю то чувство, с которым я созерцал свой первый найденный экземпляр. Она

открылась одним ударом молотка; и там, на площадке из светлого известняка, лежало изображение существа, сделанного, по-видимому, из гагата, с телом, покрытым пластинами, двумя мощными на вид руками, сочленяющимися на плечах, головой, полностью теряющейся в туловище, как у ската или рыбы-солнца, и длинным угловатым хвостом ". Миллер говорит, что сначала он подумал, что обнаружил разновидность черепахи, обладающую признаками рыбы. Но он продолжает: "Я сделал несколько поспешный вывод, хотя, возможно, и достаточно естественный, что эти крылья или руки с их сильными острыми концами и веслоподобными лезвиями были одновременно веслами и копьями - инструментом передвижения и оружием защиты; и отсюда ошибка, связывающая это существо с челониями (черепахами). Однако Агассис сообщил мне, что это было оружие исключительно для защиты, которое, подобно шипам речного быкоголового, выставлялось в моменты опасности или тревоги, а в другое время лежало рядом с боком животного; и что единственным средством передвижения был хвост. Речной быкоголовый, когда на него нападает враг или сразу же после того, как он чувствует крючок в челюстях, вытягивает два своих шипа почти под прямым углом к пластинам головы, как бы для того, чтобы его было как можно труднее проглотить. Позиция полна опасности и тревоги; и любопытно, что в такой позиции можно найти девять десятых птерихтий из Нижнего Старого Красного песчаника ".

Прошло столетие с тех пор, как Миллер думал, что обнаружил черепаху, которая была настолько изменена по строению, что стала связующим звеном между черепахами и рыбами. Но до настоящего времени геология не смогла предоставить доказательств того, что такая связь когда-то существовала.

Это *отсутствие в геологической летописи переходных форм* является одной из величайших трудностей эволюционистской теории. Согласно теории, окаменелости, найденные в различных слоях породы, должны демонстрировать постепенные модификации, связывающие различные виды животных и растений в тонкую градуированную систему, при этом тысячи форм демонстрируют в рудиментарной структуре те органы, которые у более развитых форм достигли полного развития. Однако такого прогресса от более к менее обобщенным типам продемонстрировано не было, хотя многие опытные исследователи искали такие свидетельства эволюции в породах, содержащих окаменелости. Профессор Хаксли в своих *"Проповедях для мирян"* признает, что беспристрастный обзор положительно установленных истин палеонтологии "либо не показывает нам доказательств такой модификации, либо демонстрирует, что такая модификация, которая произошла, была очень незначительной; а что касается природы этой модификации, то она не дает никаких доказательств того, что более ранние члены какой-либо длительно существующей группы были более обобщенными по структуре, чем более поздние". Леконт говорит: "Хотя виды изменяются сильно и, возможно, многократно, переходя от низших слоев к высшим, мы обычно, следует признать, не обнаруживаем постепенных переходов, которых мы естественно ожидали бы, если бы изменения происходили путем постепенных переходов". Далее он говорит об отсутствии связующих звеньев как о "величайшем из всех возражений" против теории эволюции. (*"Эволюция"*, стр. 234.) Это отсутствие переходных форм между различными видами всегда признавалось серьезной трудностью; и м-р Дарвин, пытаясь устранить ее, преуспел лишь в том, что показал, насколько она серьезна. Вот его слова: "Геология, несомненно, не обнаруживает никакой такой тонко дифференцированной органической цепи; и это, возможно, самое очевидное и серьезное возражение, которое можно выдвинуть против моей теории".

Альфред Фэрхерст говорит в своей книге *"Рассматриваемая органическая эволюция"* (стр. 93):

"Согласно теории эволюции, и особенно естественного отбора, если мы начнем с любого организма и проследим его историю в обратном направлении, мы обнаружим, что на протяжении бесконечного числа поколений он менялся очень незначительно, так что любая особь всегда является переходной формой между своими непосредственными предками и собственным потомством. Поскольку это верно, можно было бы ожидать, если теория эволюции верна, обнаружения огромного числа переходных форм, соединяющих более ранние и более поздние виды в различные периоды, когда окаменелости хорошо сохранились. Это, однако, неверно. Виды, когда они впервые появляются, отличаются четкими очертаниями. Дарвин выражает свое разочарование отсутствием переходных форм следующим образом: "Но я не претендую на то, что я когда-либо подозревал, насколько скудны были данные в наиболее сохранившихся геологических разрезах, если бы отсутствие бесчисленных переходных связей между видами, жившими в начале и в конце каждой формации, так сильно не повлияло на мою теорию".

Даже беглое изучение таких текстов, как *"Руководство по геологии"* Даны, покажет, что развитие растений и животных на протяжении "эпох" спекулятивной геологии не продвигается вперед подобно неуклонно растущему потоку. Это скорее серия больших волн, каждая из которых резко поднимается, новые формы часто появляются внезапно и вместе. Самые простейшие из известных окаменелостей, трилобиты, которых в одной только Америке известно около сотни видов, и некоторые головоногие моллюски (морские улитки) - животные очень сложной структуры, которые, по мнению Ле Конте, "едва ли ниже середины животной чешуи". Трилобиты обладают хорошо развитыми сложными глазами, а головоногие моллюски имеют простые глаза, почти такие же сложные, как глаза человека, обладают хорошо выраженным желудком, системным сердцем, печенью и высокоразвитой нервной системой [тр. примечание: в оригинале нет точки] Обратите внимание, что эти две высокоорганизованные формы животных, "которые вряд ли можно считать ниже середины животной шкалы", являются самыми "древними" животными, найденными в ископаемом виде! Другими словами, по крайней мере, из половины общего прогресса животного царства все следы утрачены. Если мы перевернем несколько страниц в *"Руководстве"* Даны, мы обнаружим в песчанике "девонской эры" гигантские виды рыб. Вся история эволюции от моллюска к рыбе утеряна! Не существует ни одной переходной формы. У этих рыб органы такие же сложные и совершенные, как у современных. Внезапно в "углеродном веке" появляются амфибии и рептилии, а затем в "триасе" появляются огромные рептилии, известные как динозавры. Насекомые и скорпионы были обнаружены в "Силурийском" бассейне. [тр. примечание: так указано в пунктуации] Они являются одними из самых высоких даже среди *живущих* четвероногих, и они являются "древнейшими" известными воздушно-дыхательными животными. "Мы тщетно ищем прародителей этих высокоорганизованных суставчатых или какой-либо мыслимый метод, с помощью которого могли развиваться их крылья и специальный дыхательный аппарат. Мы не знаем, достигли ли эти первые насекомые и скорпионы какого-либо материального прогресса на протяжении всех веков". (Фэрхерст.)

Профессор Хаксли, выступая с юбилейным обращением к Геологическому обществу в 1870 году, цитирует следующее из обращения к тому же обществу в 1862 году: "Если мы ограничимся положительно установленными фактами, общая величина изменений в формах животной и растительной жизни с момента регистрации существования таких форм невелика. По

сравнению с промежутком времени, прошедшим с момента первого появления этих форм, количество изменений удивительно мало. Более того, в каждой большой группе животного и растительного царств существуют определенные формы, которые я назвал Устойчивыми типами, которые сохранились с очень незначительными видимыми изменениями с момента их первого появления до настоящего времени. Отвечая на вопрос: "Что же тогда свидетельствует беспристрастный обзор положительно установленных истин палеонтологии по отношению к распространенным доктринам прогрессивной модификации, которые предполагают, что модификация происходила путем необходимого прогресса от более к менее эмбриональным формам, от более к менее обобщенным типам в пределах периода, представленного ископаемыми породами?" Я отвечаю, что это отрицает эти доктрины; ибо это либо не показывает нам никаких доказательств таких модификаций, либо демонстрирует, что произошедшая модификация была очень незначительной. Значение устойчивых типов и небольшого количества изменений, произошедших даже в тех формах, которые, как можно показать, были модифицированы, становится в моих глазах все больше и больше, чем дольше я занимаюсь биологией прошлого".

Исходя из того факта, что трилобиты, столь высокоорганизованные, появились в "первичных", или "древнейших" слоях, может показаться, что они были специально приспособлены к прогрессу. Они прожили "палеозойское" время, которое, согласно Дане, представляет двенадцать из шестнадцати частей всего геологического времени, начиная с Первобытного; или, называя все геологическое время 48 миллионами лет, трилобиты прожили 36 миллионов лет, или три четверти всего геологического времени. Из-за их большого постоянства во времени (принимая, ради аргументации, "возраст" спекулятивной геологии) может показаться, что у них была удивительно хорошая возможность добиться замечательного прогресса в изучении структуры. За это время появились тысячи видов, но они не добились никакого прогресса. Мы не знаем, развилась ли за все эти "миллионы лет" хоть одна высшая форма из великого множества видов трилобитов. Как Дарвин говорит о гусыне, то же самое можно сказать и о трилобите: у него "была на редкость негибкая организация". Примечательным в этом, однако, является то, что до "Изначального", когда он становился трилобитом, у него должна была быть необычайно гибкая организация, иначе он не смог бы обрести свою сложную структуру; но когда он достиг "Изначального", он стал очень консервативным.

Фэрхерст говорит в уже цитированной работе:

"Наиболее примечательным фактом является то, что в первый геологический период, в который встречаются несомненные окаменелости, хорошо представлены все подцарства, за исключением позвоночных, и что окаменелости не свидетельствуют о том, что одно подцарство или даже о том, что разные классы одного и того же подцарства произошли друг от друга. Огромные пропасти, разделяющие царство животных на подцарства и классы, существовали тогда и продолжают существовать до настоящего времени.... Если мы будем полагаться на известные окаменелости в качестве доказательств, мы были бы вынуждены заключить, что высокоорганизованные рыбы были завезены внезапно. Разрыв в предполагаемой цепи эволюции между беспозвоночными и высокоорганизованными позвоночными Нижнего силура является одним из величайших во всей геологической летописи. Я думаю, огромная пропасть между этими структурами должна оставаться непреодолимой, разве что для воображения".

Покойный проф. Джозеф Леконт из Калифорнийского университета пишет в своей книге "Религия и наука": "Современные геологические данные свидетельствуют о том, что виды, по-видимому, появляются внезапно и в полном совершенстве, остаются практически неизменными в течение срока своего существования и исчезают в полном совершенстве. Другие виды занимают их место, по-видимому, путем замещения, а не трансмутации".

Доктор Роберт Уоттс использует следующие выразительные слова: "Летописи горных пород ничего не знают об эволюции высшей формы из низшей. Ни палеозойская эпоха, ни живые организмы нашего мира не свидетельствуют о подлинном примере такой эволюции. И природа, и откровение провозглашают это как нерушимый закон, согласно которому подобное порождает подобное".

И Хью Миллер пошел еще дальше, когда свидетельствовал: "Я хотел бы спросить тех джентльменов, к которым я сейчас обращаюсь, которые наиболее тщательно изучили предмет, не были ли на этих грандиозных линиях разделения между палеозоем и вторичным, а затем между вторичным и третичным периодами, на которых изменяется весь тип органического существа, так что все по одну сторону разрыва принадлежит к одному типу, а все по другую — к другому, совершенно иному типу, - не были ли они столь же глубоко проникнуты убеждением, что существовал Творческий Агент, которому были обязаны внезапные изменения? , как будто они сами были свидетелями чуда творения?" (Президентская речь перед Королевским физическим обществом Эдинбурга, 1852 г.)

Но мы еще не закончили с этой частью нашего расследования. Аргумент геологии основан на предположении, что хронологический порядок слоев земли *был определен*, по крайней мере, с большим приближением к достоверности, так что мы можем с некоторой уверенностью сказать, что этот слой известняка или песчаника имеет более раннее, то есть более позднее происхождение. На самом деле, учебники действительно трактуют различные "возрасты" геологии так, как если бы они соответствовали определенным слоям земной коры. *Но каким методом определяется возраст различных слоев?* Джеймс Д. Дана в своем "Руководстве по геологии" (Четвертое издание, стр. 398) говорит, что существует четыре метода, с помощью которых мы можем определить отношение одного слоя к другому. Первый - это, естественно, порядок, в котором слои накладываются друг на друга; нижние слои, конечно, старше верхних. Однако в четырех "мерах предосторожности" он указывает на неспособность исследователя полагаться на этот метод, поскольку "для сравнения пород из несвязанных регионов этот критерий должен быть неверным". Кроме того, цвет и минеральный состав могут использоваться только "с недоверием" и должны "обычно не приниматься во внимание". Далее в *Руководстве* говорится: "4 Окаменелости.—Критерий для определения хронологического порядка слоев, зависящего от видов окаменелостей, напрямую зависит от времени и, следовательно, *является наилучшим*; и, более того, он служит для корреляции горных пород по всему миру". Теперь обратите внимание, как в нижеследующем геолог опирается на эволюциониста: "*Жизнь на земном шаре менялась с течением времени. В каждую эпоху были свои особые виды или особые группы видов. Более того, последовательность жизни следовала великому закону прогресса, предполагающему в рамках единой системы все большее и большее приближение видов с течением времени к тем, которые существуют сейчас. Следовательно, из этого следует, что видовая принадлежность ископаемых доказывает приблизительную идентичность возраста*". Давайте иметь это в виду. Дана принимает как должное эволюционный процесс. Более простые формы животной жизни указывают на более

древние слои, сложные формы - на более поздние. Мы правильно понимаем мистера Дану. Изобилуют такие выражения, как следующее: "Там, где прямое палеонтологическое наблюдение установило в частных случаях этапы прогресса в развитии органов, как, например, зубов у млекопитающих, факты становятся основой для дальнейшего использования в том же направлении". (стр. 402.) "Более масштабные деления геологического времени должны основываться всеобъемлющим образом на органическом прогрессе" (от простых структур к более сложным) (стр. 404.) "Когда связь пластов с пластами, обнаруженными в других регионах, будет установлена по окаменелостям ..." (стр. 405.)

Принцип, провозглашенный Даной, принят геологами в целом. У Анджело Хейлприна в *"Земле и ее истории"*, стр. 153 и далее, есть следующее: "Наблюдался устойчивый и прогрессивный прогресс в общем типе организации от древнейших до новейших периодов; более высокоразвитые или более сложные формы последовательно заменяли формы более простой конструкции; и этот прогресс все еще продолжается по сей день. И снова правильность эволюционной гипотезы принимается как должное. В древнейших породах, например, до сих пор не обнаружено никаких следов позвоночных животных; когда они появляются впервые, они проявляют себя в своих низших типах, рыбах; позже им на смену приходят амфибии (лягушки, тритоны, саламандры), а этим снова - рептилии. И если мы возьмем рыб самих по себе, то обнаружим, что они тоже начинают со своих низших, если не совсем низших типов, и постепенно развивают свои высшие. Эта история повторяется в случаях с рептилиями и четвероногими - фактически, со всеми известными нам классами животных. *Натуралисты* (эволюционисты) сегодня хорошо согласны между собой в том, что все животные и растительные формы являются производными от форм, которые им предшествовали..... Следовательно, следуя геологической летописи, мы говорим о прогрессивной эволюции, развитии высших или более сложных типов организмов из более простых и общих по структуре". Теперь внимательно прочтите следующее: *"Этот факт* позволил геологам выделить отдельные эпохи или периоды в истории жизни планеты, каждый из которых определяется определенными характерными формами животных или растений, которые либо не появляются до или после указанного периода, либо настолько характерны для него по количеству, что четко его характеризуют". Очевидно, филадельфийский профессор тоже *принимает* "progressive evolution" as an ascertained fact, и в соответствии с этим классифицирует слои земной поверхности. "Почти каждый вид окаменелостей занимает определенное положение в геологической шкале и сам по себе мог бы служить для определения местонахождения формации; но часто определение видов из-за недостаточности знаний о стирании признаков является наиболее трудной задачей, и тогда приходится обращаться к аспекту всей группы окаменелостей, которые содержит данная горная порода. Обычно это без труда *определяет возраст* или *должность*". Эдвард Клодд в *"Истории сотворения мира, простом изложении эволюции"*, говорит, стр. 18. *"Относительный возраст и местоположение каждого слоя ... устанавливаются по окаменелостям"*.

Итак, разве это не в высшей степени экстраординарная ситуация? Эволюционист говорит: Наука палеонтология предоставляет основной аргумент в пользу нашей гипотезы— чем древнее слои земной поверхности, тем проще обнаруженные в них окаменелости. Это звучит впечатляюще. Но мы спрашиваем его: Откуда вы знаете возраст слоев, и ответ таков: это, конечно, дело геолога - определять. Теперь мы обратимся к геологу и спросим: как вы определяете возраст пластов? И геолог отвечает: Ну, эволюционная наука доказала, что простейшие животные и растения появились первыми; следовательно, там, где я нахожу

простые окаменелости, я знаю, что у меня более древний слой известняка или песчаника, чем слои, содержащие более сложные формы, которые появились позже. Обратите внимание, геологи, которых мы цитировали, утверждают, что это лучшее и окончательное доказательство положения пласта в масштабе геологической истории. Геолог зависит от окаменелостей. Но он считает, что они относятся к более ранней или более поздней эпохе, потому что он принимает слова эволюционистов, обозначающие это. И эволюционист говорит: геолог говорит, что эти породы самые старые; но в них я нахожу простейшие формы; следовательно, теория эволюции доказана.

Мы повторяем это, — разве это не очень, очень экстраординарная ситуация? Разве мы здесь не являемся идеальным примером того, что логики называют "рассуждением по кругу" или "напрашивающимся вопросом"? Как эволюционист может цитировать геолога, когда геолог утверждает, что он классифицирует свои слои породы в соответствии с окаменелостями, и что он принимает то, что утверждают эволюционисты относительно них?

Что, в свете этой ситуации, становится с аргументом эволюциониста, основанным на ископаемых? И что происходит с "эпохами" спекулятивной геологии?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Постоянство видов.

Автор "*Лютеранского компаньона*" недавно сказал, что его семилетний сын несколько месяцев назад принес домой учебник под названием "*Домашняя география для начальных классов*". На странице 143 находится это утверждение о птицах: "Очень давно их деды вообще не были птицами. Тогда они не могли летать, потому что у них не было ни крыльев, ни перьев. У этих прародителей наших птиц было четыре ноги, длинный хвост и челюсти с зубами. Через некоторое время на их телах выросли перья, а передние лапы изменились для полета. Это были странного вида существа. Сейчас нет никого, кто жил бы так, как они".

Возникает искушение на мгновение отвлечься от рассматриваемой темы, чтобы извлечь из этого инцидента аргумент в пользу христианской дневной школы; но мы воздержимся. Цитата приведена здесь, чтобы проиллюстрировать моду, которую эволюционизм, в частности дарвинизм, все еще поддерживает в литературе, даже в школьных учебниках наших дней. Младенцы и груднички знакомятся с теорией эволюционного развития, и теория преподносится с уверенностью, как если бы она была научной истиной. Слова Агассиса, принца естествоиспытателей, применимы и сегодня. "То, как трактуется теория эволюции в зоологии, привело бы тех, кто не является специализированными зоологами, к предположению, что были сделаны наблюдения, на основании которых можно сделать вывод, что в природе действительно имеет место такая вещь, как изменения среди организованных существ". Он добавляет: "В записях ничего подобного нет. Делать это заявление - значит переносить почву из одной области наблюдения в другую, и когда утверждения заходят так далеко, что исключают из сферы науки тех, кто не хочет быть втянутым в это болото простых утверждений, тогда наступает время протестовать".

Доктор Дж. Б. Уоррен из Калифорнийского университета совсем недавно сказал: "Если теория эволюции верна, то за многие тысячи лет, полностью или частично охваченных современными человеческими знаниями, несомненно, было бы известно по крайней мере несколько примеров или по крайней мере один пример эволюции одного вида из другого. Подобный пример неизвестен. Абстрактные аргументы звучат заученно и кажутся внушительными, так что многие

вводятся ими в заблуждение. Но в этом вопросе мы переводим вопрос с абстрактного на конкретное. Нам говорят, что факты подтверждают теорию эволюции. Но подтверждают ли они? Где один-единственный факт?"

Гипотеза предполагает, что благодаря окружающей среде возникли определенные разновидности видов (как растений, так и животных), и что разновидности, наиболее приспособленные по своим привычкам, структуре или окраске для поддержания себя в борьбе за существование, пережили виды, менее благоприятно обеспеченные, и, следовательно, сохранились. (В нашей первой главе мы процитировали классическую иллюстрацию оляпок из *"Дарвинизма" Уоллеса*.)

Теперь, на самом деле, мы не можем доказать, что изменился какой-то один вид. Это слова самого Дарвина, процитированные из *"Жизни и писем"*, т. III, стр. 25: "На земле насчитывается два или три миллиона видов - достаточное поле, как можно было бы подумать, для наблюдений. Но сегодня следует сказать, что, несмотря на все усилия подготовленных наблюдателей, не зафиксировано ни одного изменения вида в другой". Доктор Н. С. Шалер, профессор геологии в Гарварде, утверждает, что "не было доказано, что отдельный вид был создан исключительно или даже главным образом в результате действия естественного отбора". Профессор Флейшманн из Эрлангена зашел так далеко, что заявил, что "дарвиновская теория происхождения в царстве природы не имеет ни единого факта, подтверждающего ее". Доктор Этридж из Британского музея говорит: "Во всем этом огромном музее нет ни малейшего свидетельства трансмутации видов. Девять десятых разговоров эволюционистов - полная бессмыслица, не основанная на наблюдениях и совершенно не подкреплённая фактами". Проф. Оуэн заявляет, что "человеком никогда не было зарегистрировано ни одного случая превращения одного вида в другой". Доктор Мартин, санитарный врач из Германии, который провел несколько высокотехнических экспериментов с реакциями крови различных животных и человека, на которых он основывает свои выводы, говорит: "Со времен Дарвина мы привыкли рассматривать понятие "вид" как нечто ненадежное и нестабильное. Весь органический мир должен рассматриваться как текучий, если теория эволюции хочет найти место для действия. Действительно, потребовалась вся проницательность великого исследователя, чтобы оградить свою теорию от трудностей, связанных с отсутствием переходных форм, и от того факта, что возникновение нового вида никогда не наблюдалось, а еще больше от того факта, что всех процессов искусственного разведения оказалось недостаточно для того, чтобы навсегда зафиксировать достигнутые изменения. Мы восхищаемся продуманной структурой теории, но нет никаких сомнений в том, что упорство, с которым организм цепляется за свои видовые характеристики, является той точкой, в которой он смертен. На самом деле, [tr. примечание: sic] говорить о борьбе за сохранение этих характеристик в такой же степени оправданно, как и говорить о борьбе за существование".

Человек смог значительно модифицировать многие виды овощеводства. Посмотрите на сравнительно недавние изменения в растении картофель. Маленькие, почти бесполезные клубни дикого картофеля под воздействием разумного возделывания превратились в крупные, крахмалистые, питательные овощи, которые составляют значительную часть пищи столь многих людей. Работал разум; разум и природа изменили размер, качество, продуктивность *solanum tuberosum*; но ни разум, ни природа, ни то и другое вместе взятое, насколько нам известно, никогда ни в малейшей степени не изменяли вид. Картофель по-прежнему остается картофелем и всегда им будет. Современный закон растительности состоит в том, что разумное

выращивание почти любого растения либо так или иначе изменит исходное растение, либо, что более вероятно, приведет к появлению нескольких различных разновидностей; но все эти измененные формы являются всего лишь модификациями исходного вида, и что, будучи лишенными разумного выращивания, все они стремятся вернуться к первоначальной форме. Это правда, что мы видим множество и очень разнообразных разновидностей определенных видов, особенно тех, которые получили наибольшее внимание от рук человека. Собака, например, существует как большой лохматый ньюфаундленд или сенбернар, или как туго подпоясанная борзая, как обласканный пудель или презируемая "желтая собака"; но в любом случае она собака, а не волк, и его собратья-собаки тоже признают ее таковой. Куры удивительно отличаются друг от друга; периодически появляются новые породы и входят в моду; но дайте им волю, и все они устремятся на скотный двор, и вскоре ваши модные породы испортятся. Они "возвращаются к типу". Осуществляя разумный отбор и дрессировку, человек способен подчеркивать определенные моменты и выводить новые породы, но не изменять сущностную структуру и специфические характеристики. Виды *фиксированы*. Хаксли говорит:

"Если вы скрещиваетесь от самца и самки одной и той же расы, у вас, конечно, будет потомство аналогичного вида, и если вы заставите потомство скрещиваться вместе, вы получите тот же результат, и если вы скрещиваетесь от них снова, у вас все равно будет потомство того же вида; проверки нет. Но если вы возьмете представителей двух разных видов, какими бы похожими они ни были друг на друга, и заставите их размножаться вместе, *вы найдете чек*. Если вы скрестите два таких вида друг с другом, то, хотя вы и можете получить потомство в случае первого скрещивания, все же, если вы попытаетесь вывести потомство от продуктов этого скрещивания, которые являются так называемыми гибридами, то есть если вы скрестите гибрид самца и самки, то результатом будет то, что в девяноста девяти случаях из ста вы вообще не получите потомства; не будет никакого результата вообще.

В некоторых случаях причина этого совершенно очевидна; гибриды женского пола, хотя и обладают всеми внешними проявлениями и характеристиками совершенных животных, физиологически несовершенны и им не хватает структурных частей репродуктивных элементов, необходимых для зачатия. Говорят, что это неизменно происходит с мулом-самцом, помесью осла и кобылы; и отсюда следует, что, хотя скрещивание лошади с ослом достаточно легко и, насколько мне известно, проводится постоянно, если вы возьмете двух мулов, самца и самку, и попытаетесь вывести от них потомство, вы вообще не получите потомства; никакого поколения не произойдет. Это то, что называется стерильностью гибридов между двумя различными видами". (Хаксли, *"О происхождении видов"*. стр. 212.) Он продолжает:

Таким образом, вы видите, что существует большая разница между "полукровками", которые представляют собой скрещивания между различными расами, и "гибридами", которые представляют собой скрещивания между различными видами. Насколько нам известно, полукровки способны к зачатию друг с другом. Но между видами во многих случаях вам не удастся добиться даже первого скрещивания; во всяком случае, совершенно очевидно, что гибриды часто абсолютно бесплодны друг с другом.

Итак, вот особенность, какой бы большой или малой она ни была, которая отличает естественные виды животных. Можем ли мы найти какое-либо приближение к этому у различных рас, которые, как известно, были получены путем селекции из общего поголовья? До настоящего времени ответ на этот вопрос абсолютно отрицательный. Насколько нам известно в

настоящее время, нет ничего похожего на эту проверку. При скрещивании пород, между веерохвостом и дутышем, переносчиком и акробатом, или любой другой разновидностью или расой, которую вы можете назвать, — насколько нам известно в настоящее время, — нет никаких трудностей в совместном разведении помесей ". Однако, продолжает он, как только вы устраните условия, которые привели к появлению новой разновидности, — например, когда вы разрешаете голубям беспорядочно спариваться, — какими бы разными ни были разновидности, через несколько поколений голубей вы получите одного и того же голубого скального голубя с черными полосами поперек крыльев. Не возникло ни одного нового вида. Все разновидности в свободном состоянии возвращаются к типу. "Это, - говорит Хаксли, - безусловно, очень примечательное обстоятельство".

Фэрхерст указывает на трудности, с которыми сталкивается эволюционист из-за постоянства видов. Он пишет: "Хорошо известно, что, как правило, отдельные виды не скрещиваются, а если они все-таки скрещиваются, то потомство не является фертильным. С другой стороны, верно, что *всеразновидности* вида легко скрещиваются, давая плодовитое потомство. Обычно это рассматривалось как четко определенное различие между разновидностями и видами. Если бы разновидности голубей, которые так сильно отличаются друг от друга, не скрещивались свободно и если бы беспородное потомство не было фертильным, аргумент Дарвина относительно получения новых *видов* при одомашнивании был бы исчерпывающим. Дело в том, что мы не знаем о происхождении каких-либо двух видов животных, которые не скрещиваются и чье потомство не является фертильным; другими словами, мы знаем не о происхождении *видов*, а только о *разновидностях*. Происхождение видов, которые не будут скрещиваться и давать фертильное потомство, *предполагается* исходя из происхождения сортов, которые действительно скрещиваются и дают фертильное потомство. Это оставляет эволюционистам возможность объяснить одну из самых сложных вещей в связи с этой теорией, а именно, как разновидности животных одного и того же вида стали перекрестно стерильными? * [[*Так что они не смогли скрещиваться. Только если такая перекрестная стерильность существует, они могли бы существовать впоследствии как независимые новые виды. -G.]] Несколько вещей должны произойти одновременно, прежде чем перекрестная стерильность между родителем и потомством могла бы возникнуть и стать эффективной, а именно, в одно и то же время должно родиться несколько особей, обладающих одинаковой вариацией, вариация должна быть полезной, эти особи должны быть фертильны друг с другом, они должны быть перекрестно стерильны с родительской формой, " поскольку в противном случае потомство вернулось бы к типу", и, наконец, несколько, если таковые имеются, особей, произведенных таким образом и широко рассеянных по виду, должны найти друг друга. до того, как они смогли размножиться. Я считаю невозможным, чтобы все это могло произойти одновременно". ("*Органическая эволюция*", стр. 333.)

М-р Хаксли вынужден признать следующее: "После долгих размышлений и, безусловно, без предубеждения против взглядов м-ра Дарвина, мы пришли к ясному убеждению, что при имеющихся доказательствах не является абсолютно доказанным, что группа животных, обладающих всеми признаками, проявляемыми видами в природе, когда-либо происходила путем отбора, искусственного или естественного". И еще раз. "Наше принятие дарвиновской гипотезы должно быть предварительным до тех пор, пока не будет хватать одного звена в цепи доказательств; и до тех пор, пока все животные и растения, несомненно полученные путем селекции из общего стада, будут фертильны друг с другом, это звено будет отсутствовать".

В недавней книге *"Сотворение мира или эволюция? Философское исследование"*, Джордж Тикнор Кертис говорит: "Вся доктрина о развитии отдельных видов из других видов предъявляет требования к нашей доверчивости, которые несовместимы с принципами веры, с помощью которых мы регулируем или должны регулировать наше принятие нового предмета веры".

ГЛАВА ПЯТАЯ. Рудиментарные органы.

Дарвинизм не учитывает тот факт, что различные органы животных в процессе эволюции, должно быть, на протяжении многих поколений находились в зачаточном, незавершенном состоянии. Поскольку основным учением эволюции является то, что полезные вариации передавались от родителя к потомству *потому что они были полезны*; и поскольку, кроме того, полезными были только полностью развитые глаз, слуховое ухо, активно функционирующие ядовитые железы насекомых и рептилий и т.д., А также полностью развитые средства защиты, невозможно понять, как эти органы в их зачаточном состоянии (наполовину развитый глаз, еще не способный видеть; рудиментарная фильера паука, еще не способная производить нить и т.д.) Могли служить какой-либо цели, которая делала бы их передачу выгодной для человека. Этот вид.

И наоборот, существование рудиментарных органов у живых видов (рудиментарные шпоры самок птиц, рудиментарные ноги скелетов змей) доказывает, что органы не меняются от использования или неиспользования, иначе они бы давным-давно исчезли.

По поводу этой трудности Дарвин говорит: "Если бы можно было продемонстрировать, что существовал какой-либо сложный орган, который никак не мог быть сформирован путем многочисленных, последовательных, незначительных модификаций, моя теория потерпела бы полное крушение. Но я не могу найти такого случая ". Давайте посмотрим.

Трудно поддающийся объяснению орган - это электрический орган коньков. Было показано, что у этих рыб это настоящая электрическая батарейка, но разряды от этой батарейки, даже у взрослых особей, настолько слабые, что, насколько было установлено, они не приносят практической пользы. Хорошо известно, что электрический угорь и торпеда используют свои батарейки для оглушения других животных. Очевидно, что, согласно теории естественного отбора, эти батарейки не могли сохраниться на протяжении долгих стадий бездействия, поскольку эта теория предполагает, что они были сохранены, потому что были полезны.

Эволюционисты утверждают, что крылья как органы полета независимо эволюционировали по крайней мере у четырех различных линий, а именно у насекомых, ископаемых птеродактилей, птиц и летучих мышей. То, что мог развиться столь высокоспециализированный орган, как любое из этих крыльев, кажется невероятным; в то время как эволюция четырех различных видов, независимо друг от друга, только увеличивает невероятность. Трудность, однако, состоит в том, чтобы объяснить эволюцию любого известного вида крыла. В каждом случае существует непреодолимая трудность сохранения органа на рудиментарных стадиях. Крылья насекомого в первом поколении его эволюции были бы почти незаметны и совершенно бесполезны для каких бы то ни было целей, и так продолжалось бы в течение огромного числа поколений.

Следовательно, очевидно, что они не могли сохраниться на протяжении их долгой рудиментарной стадии на том основании, что они были полезны, и мы не знаем никакой теории, которая объясняла бы их эволюцию. Сказать, что они эволюционировали, легко, но объяснить их эволюцию кажется невозможным. Фэрхерст относится к тонким и сложным органам пауков.

"Органы, которыми обладают пауки для выделения материала и плетения паутины, не могли развиваться постепенно. Весь аппарат, задействованный в плетении паутины, был бы бесполезен до тех пор, пока не был бы достаточно развит для плетения паутины. То же самое верно, - продолжает он, - в отношении жала скорпиона, жал пчел, нижних челюстей пауков с железой с ядовитой жидкостью у основания и ядовитого аппарата змей. Все эти железы, выделяющие яд, были бы бесполезны до тех пор, пока они не смогли бы выделять вредную жидкость. Шпоры птиц представляют дополнительные трудности для теории эволюции. У большинства птиц шпор нет. Когда они ими обладают, как правило, только у самцов они хорошо развиты, в то время как у самок они находятся в зачаточном состоянии. Однако в некоторых случаях оба пола обладают ими в хорошо развитой форме. Но как могла развиться шпора у обоих полов? Как рудимент, он на протяжении многих поколений был бы совершенно бесполезен для каких-либо целей, и, следовательно, он не был бы сохранен ни естественным отбором, ни каким-либо другим возможным способом, насколько я могу судить. Шпоры находятся в наилучшем положении на ногах для боя. Почему они появились в лучшем месте и нигде больше? Как бесполезные рудименты, они с такой же вероятностью сохранились бы в одном месте, как и в другом. Если шпоры не могли быть сохранены естественным отбором на протяжении их рудиментарной стадии, зачем предполагать, что они эволюционировали в соответствии с этим законом? Если они смогли пережить критический рудиментарный период, пока не стали полезными, почему бы не предположить, что их эволюция продолжалась по тому же закону? Однако факт заключается в том, что мы не знаем закона, согласно которому они могли бы эволюционировать". Летучая мышь - еще одно высокоспециализированное животное. Во многих отношениях он напоминает крота, но его руки необычайно расширены, а чрезвычайно длинные пальцы соединены мягкой перепонкой, образуя самое удобное крыло. Не слишком ли вероятно, если предположить, что теория развития верна, что и крот, и летучая мышь произошли от общего предка? И не был ли этот предок, вероятно, бескрылым, хотя и не безногим млекопитающим? Итак, как получилось, что летучая мышь обзавелась крыльями? Пытался ли он подпрыгнуть в воздух, схватить пролетающее насекомое и протянуть лапы, чтобы поймать его? И эти лапы постепенно увеличивались, пока через несколько поколений не превратились в настоящие крылья? Но что тем временем происходило с теми связующими звеньями, чьи крылья были развиты лишь частично? Летучая мышь с крыльями, отросшими лишь наполовину, была бы беспомощным существом и наверняка погибла бы. Крот с руками, заканчивающимися длинными, тонкими пальцами, был бы беспомощен и погиб бы. Середины нет. Если предком летучей мыши было наземное существо с конечностями, приспособленными для ходьбы, то оно, должно быть, дало жизнь полноценной летучей мыши, приспособленной для полета. Средней стадии быть не могло, ибо такое существо было бы беспомощно и должно было погибнуть.

Все это в равной степени применимо к разнообразному и часто очень сложному строению растений. Поскольку органы различных растений уже сформированы, они превосходно выполняют свое назначение. При незначительном изменении, недоразвитости индивид погиб бы. Но такие недоразвитые стадии должны были иметь место в истории каждой формы жизни на земле, если изменение в результате медленной адаптации должно быть принято в качестве гипотезы для объяснения их нынешней формы. На наш взгляд, проблема рудиментарных структур представляет собой непреодолимое препятствие для принятия эволюционной гипотезы даже на научных основаниях.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Инстинкт.

Как различные инстинкты животных, инстинкт возвращения домой у птиц и насекомых, строительный инстинкт, инстинкт миграции и т.д. Могли развиться под действием сил, действующих под действием естественного отбора или любого другого закона, - это вопрос, который вызвал много дискуссий. Нельзя сказать, что объяснения, содержащиеся на страницах Дарвина, Романеса и Спенсера, удовлетворяют. Трудность, которая остается нерешенной, аналогична той, которая уже рассматривалась в отношении рудиментарных структур. От инстинкта зависит существование большинства животных. Согласно теории, эти инстинкты развивались медленно. Следовательно, должно было быть время, когда эти инстинкты, поскольку они еще не были полностью развиты, были бесполезны для животного. Но если они были бесполезны, животное должно было погибнуть. Сила этого возражения против эволюционной гипотезы станет ясна из краткого изучения того, каким образом животная жизнь связана с правильным функционированием инстинкта.

Рассмотрим, например, зависимость медоносной пчелы и ее улья от функций, каждая из которых инстинктивна, королевы, рабочих и трутней. Есть королева, единственная работа которой - откладывать яйца; трутни, или самцы, чья функция заключается в оплодотворении королевы; и рабочие, которые представляют собой самок, неразвитых половым путем. У этих трех видов особей мы видим сочетание многих наиболее замечательных инстинктов и особенностей строения, которые направлены на благо сообщества. Как они могли возникнуть в результате эволюции? Рабочие бесплодны и не оставляют потомства, следовательно, их инстинкты не могут быть унаследованы от пчел их собственного класса. Каждое поколение рабочих изолировано от всех последующих поколений. Пчелиная колония не похожа на сообщество цивилизованных людей, в котором многие потребности искусственны и которые могут оставаться неудовлетворенными, просто испытывая определенный дискомфорт, но потребности, удовлетворяемые инстинктами пчел, являются императивными, и, следовательно, сами инстинкты в целом необходимы для существования пчел. Все их инстинкты связаны воедино как необходимая цепочка, так что, если кто-то потерпит неудачу, сообщество погибнет. Каждый вид работы выполняется в совершенстве, и все же рабочие совершенно не осознают, каким будет результат их труда. По большей части они работают на будущие поколения своей колонии, а не на себя, и все же они так осторожны и прилежны, как если бы ими руководил высочайший интеллект и самые эгоистичные мотивы [tr. примечание: так, без знаков препинания]. Фэрхерст, которого мы цитируем, добавляет: "В природе нет ничего более удивительного и таинственного, чем инстинкты пчел. Что может быть более замечательным, чем тот инстинкт рабочих, который заставляет их препятствовать тому, чтобы матка не ужалила до смерти молодых маток в их клетках? Здесь мы видим, что инстинкт рабочих противостоит инстинкту королевы и таким образом спасает колонию и обеспечивает размножение вида. И все же в другое, но подходящее время рабочие позволяют старой королеве убивать молодых в их клетках. Как могли когда-либо развиться эти инстинкты у рабочих, которые действуют совершенно противоположным образом в нужное время для блага общества? Или как мог возникнуть тот инстинкт, который заставляет двух маток, вступивших в схватку, воздерживаться от нанесения смертельного укуса, если они взаимно уничтожат друг друга и таким образом оставят улей без королевы?— действовали так, как будто знали, что жизнь одного из них необходима для благополучия общества".

Что касается модификаций структуры и инстинктов, необходимых для создания паутины паука, Фэрхерст цитирует следующее из "*Зоологии*" Ортона. "Пауки снабжены на заднем конце двумя или тремя парами придатков, называемых фильерами, которые гомологичны (структурно соответствуют) [tr. примечание: sic] ножкам. Назначение фильер состоит в том, чтобы наматывать шелк из шелковичных желез, кончик которых продырявлен мириадами маленьких трубочек, через которые шелк выходит чрезвычайно тонкими нитями. Обычная нить, видимая невооруженным глазом, представляет собой соединение тысячи или более таких тонких шелковых нитей. Эти первичные нити вытягиваются и соединяются задними лапками." Из этого мы видим, что две особые железы, способные выделять мягкий материал, который может быть легко вытянут в тончайшие нити величайшей прочности, не требующие заметного времени для сушки, и от двух до четырех фильер, перфорированных более чем тысячей мельчайших отверстий, и задние лапки, модифицированные таким образом, что их можно использовать для вытягивания паутины через фильеры, а также инстинкты, которые позволяют пауку использовать свою паутину с пользой, - все это должно было развиваться. Для развития шелковых желез потребовался бы, как и для большинства других органов, длительный период зарождения, в течение которого они были бы бесполезны. Мы не можем предположить, что вещество, столь исключительное по своим свойствам, как паутина паука, могло быть внезапно произведено эволюцией. Но железы были бы бесполезны без фильер. Гипотеза просит нас предположить, что две или три пары ног, которые, вероятно, когда-то были полезны для передвижения, стали настолько модифицированными, что могли выполнять функцию фильер. Но каким мыслимым образом ноги локомотива могли так измениться и иметь более тысячи отверстий, через которые протягивается полотно? И как эти органы могли служить своему назначению, в то время как сложные инстинкты, необходимые для их функционирования, находились только в стадии развития?

Из немецкого ежемесячника, посвященного аквариумам, мы цитируем следующее: "Но теперь, дорогие читатели, мы переходим к рыбе, проявляющей исключительно своеобразную и трогательную заботу о своем потомстве, — ротовому выводку, *Haplochromis Strigigena* (ранее *Paratilapia Multicolor*). Эта рыба так сильно заботится о безопасности своих детенышей, что не знает лучшего и более надежного места, чем собственный рот, где можно их сохранить. Ни в одном другом подразделении животного царства мы не можем найти такого интересного примера бережного отношения к детенышам, как у этого вида рыб. Сразу после выхода икры самка снова собирает икринки и запихивает их в рот, как сельдь в бочку. Она, естественно, должна использовать органы горла, а также органы между жабрами, и, таким образом, внешний вид животного сильно меняется, вплоть до того, что оно выглядит очень похоже на то, как если бы у нее был зоб. Более того, в течение всего этого периода, который составляет около четырнадцати дней, маленькое животное не может принимать пищу и очень стеснено в движениях. Поэтому в случае неминуемой опасности ей становится необходимо изгнать весь выводок, который затем прискорбно погибает, и по этой причине рекомендуется как можно меньше беспокоить этих животных в этот период. Даже после того, как детеныши покидают мать по собственной воле, они всегда убегают в ее защищающий рот, и поэтому они представляют собой волнующий вид, когда их впервые видят мирно и довольными, играющими около рыбы-матери, пока тень или внезапный толчок не предупреждают их об опасности и они быстро, как молния, бросаются ей в рот.

"Если забота об этой рыбе, высиживающей пищу во рту, считается замечательной и исключительной, то что же тогда следует сказать, если речь идет о другой рыбе, которая не

считает этот вид защиты достаточным и которая, следовательно, заставляет свои яйца вылупляться за пределами поверхности воды? Чрезвычайно украшенная и элегантная *Phyrrhylima Filamentosa* создает этот шедевр истинной любви. С большой ловкостью эта рыба выплывает на 5-7 см над поверхностью воды и там прикрепляет свои икринки к стенкам аквариума — обычно в одном углу. Несмотря на то, что необходимо и можно сохранить влажный воздух, накрыв аквариум, икра, тем не менее, наверняка высохла бы, если бы сама рыба не была постоянно озабочена сохранением икры влажной путем продолжительной бомбардировки мелкими каплями воды. Выполняя это действие, рыба остается у поверхности воды, а затем быстрым движением хвостовых плавников вверх она бросает каплю воды на икру таким искусным способом, который поистине достоин восхищения. Здесь также следует иметь в виду, что для вылупления икры требуется от трех до пяти дней, и теперь можно понять, какую огромную задачу выполняет эта маленькая рыбка и какие усилия при этом требуются. Позже детеныши вылупляются и затем соскальзывают по гладкой стенке аквариума в свою родную стихию". (В. Шлемп в *"Блеттер фюр Аквариен и Террариенкунд"*, Штутгарт, сентябрь 1913 г.)

Во всей области естествознания нет чудес более удивительных, чем чудеса инстинкта. Эта тема просто неисчерпаема. Более того, каждое животное абсолютно зависит от инстинктивно выполняемых действий и привычек. История жизни многих ос, различных муравьев (кто—то назвал мозг муравья самой удивительной частицей протоплазмы в мире— и насекомых в целом связана с инстинктами, которые отчасти удивительным образом переплетаются с историей жизни растений и которые, даже рассматриваемые сами по себе, являются величайшими чудесами творения. Настойчиво требуют ответа вопросы: как могли эти инстинкты сохранить животное, когда они находились еще в зачаточном, неразвитом состоянии? Как они вообще могли возникнуть в результате естественного отбора (который, конечно, является просто *случайностью*)? Дарвин говорит, что существуют инстинкты, "почти идентичные инстинктам животных, столь удаленных по масштабам Природы, что мы не можем объяснить их сходство наследованием от общего предка и, следовательно, должны верить, что они были независимо приобретены в результате естественного отбора". Он снова говорит: "Многие инстинкты настолько замечательны, что их развитие, вероятно, покажется читателю достаточной трудностью, чтобы преодолеть всю мою теорию".

И здесь, на местном наречии того времени, мы бы предположили, что мистер Дарвин *"что-то сказал"*.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Наследственность.

Тема наследственности тесно связана с эволюционной гипотезой и, следует признать, создает новые трудности для принятия этой теории. Действительно, законы наследственности, насколько они поняты, по-видимому, противоречат теории Ламарка и Дарвина в жизненно важном пункте, если не в самом важном пункте всей структуры, поднятой в *"Происхождении видов"*. Чтобы оценить силу этого возражения, необходимо еще раз вспомнить выдающиеся черты гипотезы, с помощью которой ученые пытались объяснить разнообразие живых форм. Различные теории органической эволюции, будь то ламаркистская, неоламаркистская или дарвиновская, основаны на предположении, что животные и растения имеют тенденцию увековечивать путем передачи потомству вариации, которая оказалась полезной в качестве помощи конкретному виду в его борьбе за существование. Мы только что обсудили в главах, посвященных постоянству видов и рудиментарным органам, определенные трудности, которые

возникают, когда ставится вопрос, как разновидности превратились в отдельные виды? Однако, даже если предположить, что на этот вопрос можно было бы найти какой-то удовлетворительный ответ в том, что касается стадий развития неполных органов, в наследственности есть один факт, который, как мне кажется, затрагивает саму суть теории.

В своей "*Философской зоологии*" (1809) Ламарк впервые четко сформулировал свои идеи относительно трансмутации видов, хотя изложил их еще в 1801 году. Изменения в виде произошли, по его словам, в результате непрестанных усилий каждого организма по удовлетворению потребностей, предъявляемых к нему окружающей средой. Постоянное стремление означает постоянное использование определенных органов, и такое использование ведет к развитию этих органов. Таким образом, птица, пробегающая мимо морского берега, постоянно испытывает искушение забираться все глубже и глубже в поисках пищи; ее непрестанные усилия способствуют развитию ее ног в соответствии с наблюдаемым принципом, согласно которому использование любого органа имеет тенденцию укреплять и развивать его. Но такое слегка усиленное развитие ног *передается потомству* птицы, которое, в свою очередь, своими индивидуальными усилиями развивает свои уже улучшенные ноги и передает улучшенную тенденцию. Поколение за поколением это повторяется до тех пор, пока сумма бесконечно малых вариаций, все в одном направлении, не приведет к появлению длинноногой болотной птицы. Подобным образом, благодаря индивидуальным усилиям и *передающейся склонности*, были развиты все разнообразные органы всех существ — плавник рыбы, крылья птицы, рука человека; более того, сама рыба, птица, даже человек.

Хорошо заметьте, фундаментальное предположение состоит в том, что такие приобретенные характеристики — большая длина ног или шеи, волосистой покров, защитная окраска и т.д., — какими бы приобретенными они ни были, могут передаваться от животного-родителя, обладающего ими, его потомству. Возникает вопрос: могут ли такие характеристики передаваться? И изучающие наследственность отвечают: *они не могут!*

Я нахожу у Г. Арчибальда Рида "*Алкоголизм: исследование наследственности*" ясное изложение этого предмета. (Рид - член ФБР, его книга была опубликована Т. Фишером Анвином в Лондоне несколько лет назад.)

"Все признаки живого существа, каждое физическое строение и каждая ментальная черта, могут быть отнесены к одной из двух категорий. Они либо врожденные, либо приобретенные. Врожденный характер - это тот, который, говоря обычным языком, возникает у человека "от природы". Таким образом, руки, ноги, глаза, уши, голова и т.д., а также все врожденные признаки. Ребенок наследует их от своего родителя. Но если во время своего развития или после завершения развития какой-либо из врожденных признаков индивидуума изменяется в результате какого-либо события, вызванное таким образом изменение известно как приобретенный признак, или, коротко, как приобретение.

Таким образом, все эффекты физических упражнений являются приобретениями; например, увеличение мышц, которое вызывают физические упражнения. Последствия недостатка физических упражнений также являются приобретениями; например, истощение вышедших из строя мышц.

"Последствия травмы - это приобретения; например, изменения в больном легком или травмированной руке. Каждая модификация ума также является приобретением; например, все, что хранится в памяти.

"Если человек ослеп в результате несчастного случая или болезни, то его слепота приобретенная. Но если он приходит в мир слепым, если он слеп от природы, его слепота врожденная. Если сын от природы меньше своего отца, то его неполноценность в размерах является врожденной; но если его рост замедляется из-за плохого здоровья, недостатка питания или физических упражнений, его неполноценность приобретается.

"Ламарк считал, как и люди всех эпох, что черты характера, приобретенные родителями, также в некоторой степени передаются по наследству и что эволюция является результатом их акцентуации в последующих поколениях. *Теория Ламарка полностью отвергается современными последователями Дарвина.*

"Десять тысяч человек могли бы сломать себе пальцы, но среди их отпрысков ни у одного не было бы искривленного пальца. С другой стороны, подумайте, сколько поколений женщин в Индии прокалывали уши и нос. И все же, когда девочка рождается с уже проколотыми ушами и носом? На протяжении скольких поколений мы ампутировали хвосты терьерам, и все же их хвосты не стали короче. Тогда станет понятно, насколько убедительны аргументы против доктрины передачи приобретений.

"Общий вопрос о передаче приобретений слишком велик и запутан, чтобы его можно было здесь адекватно рассматривать. Однако я могу привести еще два аргумента, отчасти потому, что они, насколько мне известно, не были развиты другими авторами, а отчасти потому, что они кажутся мне почти решающими. Более чем нормальное развитие руки кузнеца по праву называется приобретенной чертой, поскольку оно возникает в результате упражнений, использования, а не из-за зародышевых условий. Но ни одна рука младенца не развивается в обычную руку взрослого человека без упражнений, подобных тем, которые развивают руку кузнеца, хотя и в меньшей степени.

"Каждая отдельная вещь, содержащаяся в памяти человека, например, каждое отдельное слово языка, является приобретением. Но когда содержимое родительского разума передается ребенку?

Опять же, мужчина способен стать родителем в любое время между крайней юностью и глубокой старостью; женщина - в возрасте от тринадцати до четырнадцати лет и почти до пятидесяти. Между рождением первого и последнего ребенка такой индивид сильно меняется. В условиях стресса и страха перед обстоятельствами, под ударами пращи и стрел возмутительной удачи совершаются всевозможные приобретения. Тело становится сильным, а затем слабым, ум становится зрелым, а затем дряхлым. Он или она покрывается морщинами, сгибается и, возможно, становится очень мудрым, а возможно, и наоборот. И все же никто из тех, кто смотрит детское шоу, детский праздник или собрание взрослых, о которых он ничего не знает, не может сказать, кто из них ребенок молодых, а кто пожилых родителей.

Таким образом, очевидно, что все приобретения родителя в целом не оказывают никакого влияния на ребенка. *Конечно, никакие доказательства не могут быть более убедительными*".* [* Несомненную передачу сифилиса [tr. примечание: sic] потомству можно рассматривать как случай передачи приобретенного признака. Но дело не в этом, поскольку

врожденный сифилис, по сути, вызван пренатальной инфекцией, когда бацилла проникает в самую зародышевую плазму яйцеклетки человека. Медицинская наука, в целом, стала очень осторожной в использовании слова "наследственный". Среди врачей существует почти единодушие в отрицании наследственности как фактора развития туберкулеза и рака. Большинство врачей достаточно честны, чтобы сказать, что они знают об этих вещах значительно меньше, чем было "известно" десять и двадцать лет назад.]]

Герберт Спенсер утверждает, что "наследование приобретенных признаков" является необходимым дополнением к естественному отбору. "Внимательное рассмотрение фактов производит на меня более сильное, чем когда-либо, впечатление двумя альтернативами — либо имело место наследование приобретенных признаков, либо никакой эволюции не было". И снова: "наследование приобретенных признаков, отрицать которое сейчас в биологическом мире вошло в моду, было полностью признано мистером Дарвином и на котором он часто настаивал". "Неодарвинисты, однако, вообще не признают эту причину". Он признает, что известных фактов, свидетельствующих о том, что приобретенные признаки передаются по наследству, немного, но он считает, что их "настолько много, насколько можно ожидать, учитывая трудность их наблюдения и отсутствие поиска". Из вышесказанного мы видим, что биологический мир противоречит точке зрения мистера Спенсера; что он отказался бы от теории эволюции, если бы приобретенные признаки не были унаследованы, но факты в поддержку этой теории скудны. "Биологи в приведенном выше примере, как и в других, расходятся в теории относительно фундаментальных принципов эволюции. Тому, кто воображает, что теория органической эволюции доказана до степени демонстрации, достаточно прочесть утверждения самих эволюционистов относительно наиболее важных моментов, связанных с этой теорией, чтобы убедиться в большом разнообразии мнений". (Фэрхерст.)

Общий отказ биологов от дарвиновской гипотезы, о котором пойдет речь в нашей следующей главе, объясняется главным образом неспособностью наследственности объяснить постепенную модификацию органов и привычек.

Геккель и некоторые другие прибегают к различным средствам в своих попытках поддержать теорию, которая так сокрушительно разбилась о скалу наследственности. Главным среди них является ссылка на неограниченное время. Утверждается, что, в конце концов, такие незначительные различия могут в течение многих веков привести к появлению новых и более совершенных органов. Однако здесь возникает новая и неожиданная трудность. Физик, измеривший теплоту солнца, встает и говорит, что возраст земли, оцененный специалистами вроде лорда Кельвина, далеко не так велик, как того требует дарвинист. Период, который физики, по-видимому, готовы по своей милости предоставить земному шару для жизни, составляет от двадцати до сорока миллионов лет. Но эволюционисты с большим жаром утверждают, что этот период слишком короток для образования таких сложных типов организмов, которые сейчас обитают на земле; они требуют от двухсот до тысячи миллионов лет! Таким образом, эти две группы ученых, биологи-эволюционисты и физики, безнадежно расходятся во мнениях.

За последние двадцать лет возникло новое поколение эволюционистов, которые придерживаются мнения, что изменения в организации растений и животных происходят не в результате медленного роста благоприятных характеристик, а возникают внезапно. Такова

теория "Мутации" Хьюго де Фриза. Но наука не смогла воспринять эту и подобные теории с тем же одобрением, с каким когда-то встретили "Происхождение видов" Дарвина. Натуралисты стали осторожнее. Они помнят бесславный крах дарвиновского режима и не спешат приветствовать еще одного "Авраама научной мысли". В общем, они верят в какую-то эволюцию; но они предпочитают не уточнять точно законы, действовавшие в прошедшее "геологическое время". Только в школьных учебниках по физической географии, зоологии и ботанике к эволюционной теории, предложенной Дарвином, до сих пор относятся так, как если бы она пользовалась среди ученых таким же уважением, как таблица умножения. Говоря на дарвиновском диалекте, мы должны сказать, что авторы этих школьных учебников представляют собой случай "задержки в развитии".

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Устаревшее научное кредо.

Предыдущая глава завершает наше исследование той стадии эволюционистской мысли, которая обязана своим происхождением и названием Чарльзу Дарвину. Напрашивается вопрос: верят ли ученые сегодня так же, как верил Дарвин? Очень многие верят. Для многих ученых Дарвин остается тем, кем, по-моему, назвал его Хаксли, "Авраамом научной мысли". Но если мы изучим список этих людей, то обнаружим, что они принадлежат, за единственным исключением (Геккель), к тем, чьи исследовательские отделы не имеют ничего общего с изучением форм жизни (биология, зоология, ботаника), и которые, следовательно, не говорят о фактах, известных из первых рук. Антропологи (изучающие человеческие расы), социологи, психологи и многие образованные люди в целом принимают дарвиновскую схему эволюции как факт и, в свою очередь, строят на ней свои теории. Они принимают теорию и не задают вопросов. Мода, которой дарвинизм все еще пользуется среди авторов школьных учебников, уже была отмечена.

Однако авторитетные биологи всего мира отвергают специфически дарвиновскую фазу эволюционистской мысли, изложенную, например, в бесконечных томах Спенсера. Когда дело доходит до определения эволюции, среди них довольно много Вавилонского столпотворения. Существуют десятки теорий — мутации, ортогенеза, вейсманизма, менделизма и т.д., — и у каждой есть свои приверженцы, — но они сходятся в одном, что "Естественный отбор" не учитывает формы жизни на земле сегодня.

Восстание против "Естественного отбора" началось около сорока лет назад. Об этом было объявлено в двух знаменитых заявлениях Спенсера и Хаксли. Это представляет собой один из самых замечательных и важных, а также один из самых значительных эпизодов в истории эволюции. В двух самых замечательных эссе, которые когда-либо появлялись в журнале *"Девятнадцатый век"*, более тридцати лет назад, Герберт Спенсер встал на скамью раскаяния и зачитал свое отречение от доктрины естественного отбора и выживания наиболее приспособленных; сначала совершив заместительную епитимию (несанкционированную, однако) за Дарвина, а затем, в недвусмысленных выражениях, за себя. Не было никакой ошибки в значении слов Спенсера. Его язык был недвусмысленным. "Фразы (естественный отбор и выживание наиболее приспособленных), используемые при обсуждении органической эволюции, - говорил он своим читателям, - хотя и удобны и необходимы, склонны вводить в заблуждение, скрывая действительные факторы". "Слова "естественный отбор" не выражают причину в физическом смысле". "Аналогичные возражения, - продолжает он, - могут быть выдвинуты против выражения, к которому я пришел, пытаясь представить явления в

буквальном, а не метафорическом смысле — "выживание наиболее приспособленных". В совокупности тех многочисленных действий, внутренних и внешних, которые определяют жизнь и смерть организмов, мы не видим ничего, к чему слова "приспособленность" и "непригодность" были бы применимы в физическом смысле". И он продолжает: "Очевидно, слово "наиболее приспособленный" в таком виде *является фигурой речи*". Если бы солнце упало с небес, шок для последователей Дарвина не мог бы быть более ошеломляющим, чем это открытое отступничество от дарвинистской веры.

Но это было еще не все. Верующих, которые все еще цеплялись за заветную догму, ждали новые сюрпризы. Теперь они обнаруживают, что сама их вера подвергается нападкам, и это тоже со стороны тех же самых лидеров, которые прилагали столько усилий, чтобы обратить их в свою веру. Не может быть никаких сомнений в том, что опасения относительно истинности их утверждений начали преследовать поборников дарвиновской гипотезы. Как раз в то время они были мастерами всей области научной мысли. Они принесли всю науку к ногам Дарвина. На немногих невежественных диссидентов, которые все еще выступали против доктрины, смотрели как на недостойных даже презрения. Весь мир принял кредо эволюции. Что тогда побудило Хаксли в ставшей теперь исторически известной речи, произнесенной на открытии памятника Дарвину в музее Южного Кенсингтона, открыто заявить, что было бы неверно предполагать, "что церемония дала авторитетную санкцию современным идеям относительно эволюции"? Каково же было изумление его слушателей! Но они, должно быть, затаили дыхание, когда услышали, как он добавил смело и прямолинейно, недвусмысленным тоном, что "наука совершает самоубийство, когда принимает вероучение". Воистину, символ веры! Что делала наука в области эволюции с тех пор, как Дарвин преподнес миру свою доктрину, как не провозглашение своей веры в дарвинистский символ веры?

Нельзя было и глазом моргнуть от неизбежных выводов. И Хаксли на трибуне, и Спенсер в "*Девятнадцатом веке*" признали перед всем миром, что потеряли веру в идола, которому они так громгласно поклонялись в течение тридцати лет. Верно, что и Спенсер, и Хаксли, возможно, намеревались просто предостеречь биологов от слишком безоговорочной веры в естественный отбор или выживание наиболее приспособленных. Но даже в этом случае положению их последователей не стоило завидовать. Их лидеры уверенно заверили их, что Дарвин дал миру желанное знание, о котором никто не знал, пока он сам его не открыл. Это было громко и уверенно провозглашено с крыш домов науки; и теперь — странный поворот — те же самые лидеры говорят им, что их проповеди были верой без основания.

Можно привести слова профессора Осборна: "Между появлением "*Происхождения видов*" в 1859 году и настоящим временем наблюдались большие волны веры в одно объяснение, затем в другое; каждая из этих волн уверенности заканчивалась разочарованием, пока, наконец, мы не достигли стадии очень общего скептицизма. Таким образом, длительный период наблюдений, экспериментов и рассуждений, начавшийся сто пятьдесят лет назад французским философом Бюффоном, заканчивается в 1916 году общим ощущением, что наш поиск причин далек от завершения и только начался".

Сэр Уильям Доусон из Монреаля, выдающийся геолог, сказал, что доктрина эволюции - "одно из самых странных явлений человечества, система, лишенная какой-либо тени доказательств" ("*История Земли и человека*", стр. 317). Даже профессор Тиндалл в статье в "*Fortnightly Review*" сказал: "Должно быть проведено четкое различие между наукой в состоянии гипотезы и наукой

в состоянии факта. И поскольку она все еще находится на своей гипотетической стадии, запрет на исключение должен пасть на теорию Эволюции. Я согласен с Вирховым в том, что доказательств этого все еще не хватает, что неудачи были прискорбными, что доктрина полностью дискредитирована".

Одним из самых способных эволюционистов сегодня является профессор Хенслоу, бывший президент Британской ассоциации. В своей книге *"Современный рационализм критически исследован"* он показывает, что дарвиновский естественный отбор абсолютно неадекватен существующим фактам.

Профессор Бейтсон, выступавший с Президентской речью на собрании Британской ассоциации содействия развитию науки в 1914 году, привел поразительное свидетельство изменений, внесенных современной наукой в связи с теорией Дарвина. Вот что он сказал среди прочего: "Принцип естественного отбора не мог быть главным фактором в разграничении видов животных и растений. Мы обращаемся к Дарвину за его несравненным собранием фактов. Мы охотно подражали бы его учености, его широте и силе изложения, но для нас он больше не говорит с философским авторитетом. Мы покончили с представлением, к которому Дарвин пришел в последнее время, о том, что большие различия могут возникнуть в результате накопления небольших различий".

Святой Джордж Майварт еще тридцать лет назад написал исчерпывающий трактат, озаглавленный *"Генезис видов"*, в котором он подвергает дарвиновскую гипотезу тщательному анализу и отвергает ее как недоказанную во всех деталях и противоречащую фактам природы во многих пунктах. Он назвал это "ребяческой гипотезой".

Профессор Х. Х. Гран из Университета Кристиана, эксперт в области биологии, говорит, что верит в эволюцию, но объявляет объяснение этого явления Дарвином неадекватным. Его слова таковы: "Дарвин собрал огромную массу материала как из животного, так и из растительного царства, но эти коллекции не были тщательно проанализированы и не могут быть использованы в качестве основы теоретических выводов, как это делал Дарвин".

Проф. Флейшман из Эрлангена говорит: "Нет ни единого факта, подтверждающего дарвинизм в царстве Природы". Доктора Э. Деннерт, Хоппе и фон Хартманн; проф. Полсон и Рутемейер, а также талантливые ученые Зуклер и Макс Вундт отказались от дарвинизма. Люди, подобные нашему Г. Ф. Осборну, могут все еще цепляться за любимую теорию и приводить воображаемые изображения людей-обезьян в качестве доказательства в недавних книгах; но послушайте проф. Сам Эрнест Геккель: "Большинство современных исследователей науки пришли к выводу, что доктрина эволюции, и особенно дарвинизм, является ошибкой и не может быть поддержана". Это было сказано за несколько лет до Первой мировой войны. Можно было бы добавить другие имена (Фридман, де Цион).

О нынешнем отношении натуралистов к этой теории можно узнать из выступления ряда выдающихся авторов в недавнем номере журнала "Библейский мир" (февраль 1913 г.) на тему "Потерпела ли эволюция крах?"

Проф. Моултон из Чикаго говорит: "Суть эволюции в том, что порядок, существующий однажды, меняется на порядок, который будет существовать в последующие дни, систематическим образом, а не нерегулярным и хаотичным". Это утверждает теорию, но добавляет простую

банальность, поскольку все верят, что вселенная упорядочена, а не хаотична. Реальный вопрос в том, какова природа и причина преобладающего порядка? На этот вопрос он и не пытается ответить.

Проф. Лилли из Чикаго сообщает нам, что "среди недавних исследователей существуют различия во мнениях относительно метода эволюции", и говорит: "Мнения по этому вопросу постоянно меняются".

Проф. Мэтьюз из Чикаго говорит: "Хотя факт эволюции общепризнан, средства, с помощью которых осуществляется эволюция, неопределенны".

Проф. Паттен из Дармута говорит: "Что касается биологов, то они сейчас дальше от согласия относительно того, что представляет собой процессы и условия, необходимые для органической эволюции * * * [прим. ред.: так в оригинале], чем поколение назад".

Проф. Молл из Университета Джона Хопкинса говорит: "Это правда, что постепенная эволюция, о которой говорил Дарвин, подвергается серьезному сомнению теми, кто верит, что она происходит "быстрыми скачками"".

Проф. Уиллистон из Чикаго говорит: "Причины органической эволюции все еще остаются нерешенной проблемой; и он будет более великим человеком, чем Дарвин, который, наконец, продемонстрирует их".

Таким образом, эти признанные авторитеты, принимая теорию, добавляют множество ограничений и признают, что "метод", "манера", "процесс", "условия" и "причины" движения все еще неизвестны. Что же тогда остается от теории? Не так много, кроме названия.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Человек.

"Среди ученых больше нет никаких сомнений в том, что человек произошел от животных". Это радикальное заявление было сделано в 1920 году Эдвином Грантом Конклином, профессором биологии Принстонского университета. И поэтому эволюционисты в целом, отвергая геологию как безнадежную в отношении эволюции растений и животных, цепляются за доктрину, согласно которой человек на протяжении долгих веков развития произошел от животного. Мы видели, что Уоллес и другие глубокие исследователи предмета признают существенную разницу между способностями человека и инстинктами животных. Они признают, что силы, присутствующие в материи, не объясняют происхождение Мысли. Они верят, что Дух, то есть Бог, создал нечто новое, когда разум впервые проник в мозг человека. Но даже Уоллес считает, что человеческое тело - продукт эволюции; что был общий грубый предок, как у обезьян, так и у людей. Поиски недостающего звена между человеком и его животным предком продолжаются до сих пор. Как только какие-либо человеческие останки выкапываются из земли, эволюционисты начинают измерять череп и кости и выяснять, сколько у них точек сходства с обезьянами. Если область мозга немного неглубокая или маленькая, или брови выдающиеся, или наклон лица острый, или зубы и челюсти крупные, они с большой уверенностью заявляют, что "недостающее звено" найдено. Но через некоторое время они начинают становиться более скромными и в конце концов находят другие моменты, которые показывают, что образец был безошибочной обезьяной или безошибочным человеком, а не чем-то средним между ними. Можно было бы наполнить музей выброшенными недостающими звеньями; и все же люди отказываются учиться осторожности и повторяют свои крики каждый раз, когда объявляют о

новой находке. Будет поучительно рассмотреть несколько наиболее известных доисторических останков человека, которые в то или иное время объявлялись неопровержимым доказательством развития человеческого тела из тела животного через промежуточные стадии.

Питекантроп прямоходящий - название, придуманное Геккелем для "недостающего звена" и данное доктором Эженом Дюбуа, голландским врачом, определенным останкам, обнаруженным им на острове Ява в 1891 году. Останки состоят из "несовершенного черепа, бедренной кости, свидетельствующей о длительной болезни, и коренного зуба". (Дана, *"Руководство по геологии"*, стр. 1036.) Первооткрыватель этих костей считал, что они являются останками существа, находящегося между человекообразными обезьянами и человеком. Профессор. Вирхов и другие специалисты по анатомии исследовали эту находку. Было установлено, что бедренная кость была найдена через год после вскрытия черепа. Некоторые считают, что останки принадлежат мужчине низкого пошиба или идиоту. (Дана, *1 в..*) Кубический размер черепа составляет 60 кубических дюймов, примерно как у идиота, у нормального человека - 90 кубических дюймов, а у обезьяны - 30. Эти образцы были найдены в разных местах. Череп слишком мал для бедренной кости. Возраст слоев, в которых они были найдены, неизвестен. Авторитет первого ранга, профессор Дж. Клаатч из Гейдельбергского университета говорит, что это существо "не является недостающим звеном".

Доктора Смит Вудворд и Чарльз Доусон, реконструируя человека по *Пилтдаунскому черепу*, обнаруженному в 1912 году на Пилтдаунской пустоши, недалеко от Аксфилда, Сассекс, Англия, создали нечто по сути обезьяноподобное, со скошенным лбом, выступающими бровями и гориллоподобной нижней челюстью. Профессор. Кейт, известный специалист, проверяя эту реконструкцию, приходит к совершенно иному выводу. Он считает, что работа доктора Дж. Доусон и Вудворд сделали это "в открытую вопреки всему, что ученые знают о черепах, будь то древних или современных". Вот его слова: "Вскоре я увидел, что части реконструированного пилтдаунского черепа были расположены таким образом, который открыто противоречил всему, что было известно о черепах, древних и современных, человеческих и антропоидных. Сочленяя кости способом, который был принят всеми анатомами во все времена, я обнаружил, что мозговая камера имеет размер не 1070 кубических сантиметров, как в реконструкции доктора Смита Вудворда, а 1500 кубических сантиметров - большая мозговая камера даже для современного человека".

The *Череп неандертальца* был найден в 1856 году в окрестностях Дюссельдорфа доктором Фультроттом из Эльберфельда. Когда череп и другие части скелета были выставлены на научном совещании, проходившем в том же году в Бонне, среди специалистов сразу же возникли серьезные расхождения во мнениях. Некоторыми были высказаны сомнения относительно человеческого характера останков. Другие считали, что останки указывают на человека почти такого же роста, как современный европеец, но с такой необычной толщиной у некоторых из них, которая указывает на существо очень необычайной силы. Доктор Мейер из Бонна расценил череп как останки казака, убитого в 1814 году. Другие ученые согласились с ним. Современная наука признает древность неандертальца, но споры никогда не прекращались. Великий Вирхов утверждал, что особенности строения костей являются результатом болезни.

Недалеко от Льежа, в Бельгии, не более чем в семидесяти милях от неандертальца, был найден *череп энгиса*. После тщательных измерений было доказано, что он существенно не отличается от черепов современных европейцев.

Такой опыт должен помешать нам делать какие-либо утверждения относительно примитивного характера, расы или физического устройства этих пещерных жителей. Действительно. Проф. Хаксли в очень тщательной и подробной статье о черепах неандертальца и Энгиса помещает средний череп современного уроженца Австралии примерно на полпути между черепами из пещер неандертальца и Энгиса. Да, он говорит, что, просмотрев большую коллекцию австралийских черепов, он "счел возможным выбрать из этих черепов два (соединенных всевозможными промежуточными градациями), один из которых должен был очень напоминать череп энгиса, в то время как другой несколько менее приближался к черепу неандертальца по размеру, форме и пропорциям". "Череп Энгиса, возможно, самый древний из известных", - по словам проф. Хаксли, "довольно обычный череп, который мог принадлежать философу или содержать бездумный мозг дикаря". В этом мнении мистера Хаксли поддерживает один из величайших антропологов своего времени Дэниел Г. Бринтон, который говорит о пещерном человеке Франции и Бельгии: "Ни по росту, ни по размерам черепа, ни по развитию мускулов эти древнейшие представители вида не отличались от ныне живущих больше, чем они отличаются друг от друга. У нас нет оснований приписывать этим самым ранним известным людям более низкий мозг или сообразительность, чем те, которые наблюдаются у различных диких племен, существующих до сих пор".

Каждая новая находка при исследовании подтверждает истинность слов Вирхова: "Мы действительно должны признать, что налицо полное отсутствие какого-либо ископаемого типа, относящегося к более низкой стадии развития человека. Более того, если мы соберем вместе всех найденных до сих пор ископаемых людей и сравним их с таковыми настоящего времени, мы сможем решительно заявить, что среди ныне живущих людей гораздо больше особей, относящихся к относительно низшему типу, чем среди ископаемых, известных до настоящего времени. ... Каждый положительный прогресс, которого мы достигли в области доисторической антропологии, все больше отдалял нас от демонстрации этой теории!"

Совсем недавно (в 1913 году) экспедицией Геологического института Берлинского университета в Олдовейском ущелье на севере Немецкой Восточной Африки была найдена замечательная окаменелость. Останки состоят из полного скелета, который был найден глубоко погруженным в твердую почву. Какими бы древними ни были эти останки — кости полностью окаменели, — они содержали прискорбно мало "примитивных характеристик" и, следовательно, не использовались в интересах эволюционной теории. Фрагмент черепа, зуб, бедренная кость открывают гораздо более привлекательные поля для эволюционистов, поскольку они позволяют их воображению простирается без ограничений фактов. Олдовейская окаменелость, которая во всех существенных отношениях является обычным человеческим скелетом, не обладает особой привлекательностью для тех, кто представляет человека как потомка жестоких предков.

Говорит проф. Вирхов: "Мы тщетно ищем недостающее звено; существует определенный барьер, отделяющий человека от животного, который еще не стерт, — наследственность, передающая детям способности родителей. Мы никогда не видели, чтобы обезьяна произвела на свет человека, и чтобы человек произвел на свет обезьяну. Все мужчины, имеющие

обезьяноподобную внешность, являются просто патологическими вариантами (ненормальные разновидности из-за какого-то болезненного состояния). Несколько лет назад было принято считать, что существовало несколько человеческих рас, которые все еще оставались в примитивном, низшем состоянии своей организации. Но все эти расы были объектами тщательного изучения, и мы знаем, что они обладают организацией, подобной нашей, часто, действительно, превосходящей организацию предполагаемых высших рас. Таким образом, голова эскимоса и голова жителей Огненной земли принадлежат к совершенным типам. Все исследования, предпринятые с целью найти преемственность в прогрессивном развитии, оказались безрезультатными. Не существует ни проантропа, ни человека-обезьяны, и "связующее звено" остается фантомом".

Доктор Берндт из Берлина недавно сказал в *"Naturwissenschaftliche Rundschau der Chemikerzeitung"* (апрель 1914 г.): "Макс Вебер, один из лучших специалистов по млекопитающим, рассматривает современных человекообразных обезьян как ветвь, параллельную ветви человека. Такие ученые, как Коуп, Адлофф, Клаатч, предпочитают отодвигать происхождение человека к самой ранней эпохе земной жизни, откуда он с самого начала отделился от обезьян". Это в высшей степени важное высказывание. Оно означает не более того: нет ни одного узнаваемого звена, которое объединяло бы человека с животным миром. Все промежуточные формы между человеком и первоначальной медузой, которая, согласно Геккелю и Фогту, была его предком, исчезли. Для подтверждения их существования у нас нет ничего, кроме слов ученых-спекулянтов.

Относительно неандертальца, кроманьонца и т.д. доктор Доусон сказал: "Геологические данные сводятся к подсчету скорости эрозии речных долин, отложения гравия и пещерной земли, а также образования сталагмитовой коры, все из которых настолько изменчивы и неопределенны, что, хотя можно сказать, что в умах геологов осталось впечатление о глубокой древности, выходящей за рамки общепринятой истории, абсолютная древность не доказана; и хотя некоторые, основываясь на таких доказательствах, преувеличивают древность возрасту человека даже в полмиллиона лет, древнейший из этих останков, в конце концов, может не превышать наших традиционных шести тысяч. Эти скелеты говорят нам, что первобытный человек обладал той же высокой мозговой организацией, которой он обладает сейчас, и мы можем сделать вывод о той же высокой интеллектуальной и моральной природе, которая позволяет ему общаться с Богом и руководить низшим миром". Точно так же Фигье утверждал, что "мы не знаем ни одной археологической находки (каменных топорики и т.д.), Возраст которой нельзя было бы определить не только как возраст пяти тысяч лет, но и как возраст пятидесяти тысяч".

Лайонел С. Бил, известный специалист по микроскопии, свидетельствует: "В поддержку всех натуралистических гипотез о происхождении человека в настоящее время нет и тени научных доказательств".

Уильям Ханна Томсон, доктор медицины, доктор права, врач больницы Рузвельта; врач-консультант Манхэттенской больницы для душевнобольных штата Нью-Йорк, который занимал профессорскую должность в Медицинском колледже Нью-Йоркского университета; был президентом Нью-Йоркской медицинской академии и т.д., В своей недавней книге *"Что такое физическая жизнь?"* говорится о доктрине эволюции: "Не может быть большего

противоречия, чем противоречие между этой доктриной и величайшей истиной, лежащей в основе этого человеческого мира".

Русско-французский физиолог М. Эли Десьон, в течение многих лет профессор факультета естественных наук и Медико-хирургической академии Петроградского университета, недавно опубликовал книгу эссе, в которой он говорит, что теория эволюции, особенно в ее отношении к происхождению человека, является "чистым предположением". Он цитирует проф. Фраас, посвятивший свою долгую жизнь изучению ископаемых животных: "Идея о том, что человечество произошло от какого бы то ни было вида обезьян, безусловно, является самой глупой, когда-либо выдвинутой человеком, пишущим об истории человечества. Это должно быть передано потомкам в новом издании "Мемориала человеческих безумств". Найденные окаменелости никогда не смогут подтвердить эту барочную теорию". И процитирую еще одно выступление Вирхова, произнесенное в Вене: "Я никогда не находил ни одного черепа обезьяны, который хотя бы отдаленно напоминал человеческий. Между людьми и обезьянами существует четкая демаркационная линия".

В одной из последних авторитетных публикаций немецкого антрополога утверждается, что "обезьян следует рассматривать как дегенеративные ветви дочеловеческого происхождения". Одним словом, это означает, что не человек произошел от обезьяны, а обезьяна от человека. Это почти то, что можно назвать *доведением до абсурда*, и все же это одно из последних заявлений научной мысли (Редакционная статья в *"Нью-Йорк Геральд"*, 30 декабря 1916 г.). К тому же относятся слова профессора Вуд-Джонса, профессора анатомии Лондонского университета, Англия, который недавно указал, что человек вовсе не произошел от человекообразных обезьян, точнее было бы сказать, что они произошли от человека. Это было заявлено не только на основании лучших анатомических исследований, но и как "выводимое из всей тенденции геологических и антропологических открытий". В связи с этим профессор Вуд-Джонс призвал к "полному пересмотру постдарвинистских концепций относительно недавнего появления человека из царства животных". (Цитируется У. Х. Гриффитом Томасом в *"Как насчет эволюции?"* стр. 10.)

Приятно перейти от спекуляций к откровению, от домыслов и теорий к доказанным фактам, и никто не изложил установленные факты, касающиеся происхождения человека, более кратко и яснее, чем профессор естественных наук Университета Эрлангена доктор Фридрих Пфафф. Он убедительно показывает, что возраст человека сравнительно короток, простираясь всего на несколько тысяч лет; что человек появился внезапно; что самый древний известный нам человек по существу не отличается от ныне живущего человека и что переходы от обезьяны к человеку или от человека к обезьяне нигде не обнаружены. Вывод, к которому он приходит, заключается в том, что библейское повествование о человеке, которое едино и самосогласованно, истинно; что Бог создал человека по своему образу и подобию, пригодного для общения с самим собой и облагодетельствованного им — состояние, из которого человек выпал, но восстановление которого возможно через Того, Кто является сиянием славы своего Отца и "выраженным образом Его Личности".

Мы не можем удержаться от возвращения в этой связи к существенному различию между животными инстинктами и интеллектом человека и процитируем по этому поводу убедительное изложение дела Паулем Хаффнером в его *"Материализме"* (Майнц, 1865). Мы переводим: "Если бы гипотеза материализма была приемлема, если бы мы верили, что чисто

животная форма сознания могла развиваться в духовное и интеллектуальное восприятие, мы должны были бы иметь возможность наблюдать подобные способности к изменению и росту также в современном животном мире. Однако это не так. Тысячи лет мы наблюдаем за домашними животными, и до сих пор не видим никаких следов зарождения интеллекта. Мы тратим на них много сил; мы делаем их своими доверенными лицами и относимся к ним с неиссякаемой нежностью, и все же мы никогда не видим, чтобы они поднялись из своей узкой сферы и вырвались из пут своих примитивных желаний и инстинктов. Мы отмечаем внешнее подражание человеческой деятельности, такое как смехотворная виртуозность обезьян, и то поверхностное приспособление, которое мы называем "дрессировкой животных" и которое является не чем иным, как развитием чувственных стимулов; животное не знает, что оно делает, оно одурачено человеком, который знает, как использовать его инстинкты и сделать их пригодными для своих целей. Мы не можем не отметить, что никогда, даже при самых благоприятных условиях, животные не выходят за пределы своей первоначальной сферы; что ни своими собственными усилиями, ни с помощью человека они не способны возвыситься до идей духовной или сверхчувственной природы; что они навсегда остаются такими, какими были вначале. Следовательно, нельзя отрицать, что и люди остались бы такими, какими они когда-то были, согласно представлениям материалистов. Только если бы с самого начала в них зажегся свет духовной жизни, они могли бы стать теми, кем они являются сегодня". (*"Материализм"*, стр. 59 и далее)

Следует отметить, что когда мы слышим специалистов по анатомии и биологии, их высказывания по поводу происхождения человека, как правило, характеризуются решительным несогласием с теорией развития, в то время как вера в развитие человека от обезьяноподобного предка, высказанная с ноткой самоуверенности, встречается в основном среди любителей этих наук. Более того, даже среди тех, кто верит в происхождение нашей расы от животных, многие, и наиболее выдающиеся среди них, утверждают, что способности человеческого разума действительно должны быть объяснены только на основе особого творческого акта Бога. Однако они цепляются за представление о том, что тело человека произошло от низших животных, — точка зрения, которая была очень умело опровергнута проф. Опп из Глазго, один из выдающихся библистов нашего времени. Он пишет:

"Хорошо известно, что некоторые выдающиеся эволюционисты, отдавая человеческое тело на откуп обычным процессам эволюции, все же придерживаются мнения, что человеческий разум не может быть полностью объяснен аналогичным образом. Рациональный разум человека, настаивают они, — я согласен с этой точкой зрения, но не собираюсь здесь ее обсуждать, — обладает качествами и силами, которые отделяют его не только по степени, но и по характеру от животного разума и создают непреодолимую пропасть с духовной стороны между человеком и высшими из существ, стоящих ниже его. Другими словами, в случае человека происходит подъем на духовной стороне — установление нового порядка или царства существования, — который требует для своего объяснения отчетливой сверхъестественной причины. Я всегда чувствовал, что слабость этой теории заключается в ее предположении, что, хотя разум человека нуждается в сверхъестественной причине для своего объяснения, его тело можно предоставить обычным процессам развития. Трудность такого взгляда очевидна. Я сформулировал эту точку зрения следующим образом. "Из известных законов связи разума и тела следует, что каждому разуму нужен приспособленный к нему организм. Если разум человека является продуктом новой причины, то мозг, который является инструментом этого разума, должен разделять его особое происхождение. Вы не можете поместить человеческий

разум в мозг Обезьяны ". Другими словами, если происходит внезапный подъем на духовной стороне, то должен быть соответствующий подъем на физической — органической — стороне ". (*"Непорочное зачатие Христа"*, стр. 199.)

Может ли что-нибудь быть более убедительным, более убедительным?

Самое сильное *прямое* доказательство против "восхождения человека", однако, до сих пор было только затронуто. Я обращаюсь к свидетельствам, почерпнутым из истории религии. Теперь я предлагаю читателю обратить на это пристальное внимание.

Если человек произошел от существ низшего порядка или от любого представителя животного царства, религия должна была возникнуть позднее. О том, что у этой "бесхвостой, кошачьей человекообразной обезьяны" могло быть что-то похожее на религию, думать, конечно, не следует. Воображать, что он обладал знанием о едином, истинном Боге, его природе и его атрибутах, было бы нелепо. Как же тогда объяснить происхождение и расцвет религии? Эволюционисты не согласны по этому вопросу. Герберт Спенсер утверждает, что *анимизм* был самой примитивной формой веры. Человек почитал духов, призраков усопших, затем возвел их в ранг божеств и, наконец, развил идею о *едином* абсолютном существе, Боге. Другие предполагают, что первобытный человек сначала преклонялся перед ужасными силами и явлениями природы, таким образом пришел к политеизму (религии множества богов) и, наконец, развил монотеизм (веру в единого Бога). Но все согласны в том, что религия в своей самой ранней форме носила очень грубый и элементарный характер и только в течение многих тысяч лет достигла представления об одном Высшем Существе. Сначала существовала вера в богов — политеизм, а гораздо позже вера в Бога — монотеизм.

Теперь давайте [tr. примечание: sic] заметим, что это единственный *возможный* взгляд с точки зрения Эволюции. Помните, что эта доктрина понимается не только как имеющая отношение к развитию животного царства. Предполагается, что этот принцип действует в развитии земли, человека, общества, правительства, промышленности, языка, литературы, науки, искусства и религии. Согласно теории, должен был произойти прогресс от грубой формы поклонения духам к поклонению богам, а затем и к поклонению единому Богу. Но каковы факты? Так ли развита религия? Этого не произошло.

История не только не показала ни одной формы веры, которая развивалась бы подобным образом, но и каждая религия, какой бы чистой и возвышенной она ни была, прошла через процесс вырождения, деволуции.

Основатели сравнительного изучения (или Науки) религии и величайшие авторитеты в различных ее областях практически единодушны во мнении, что все языческие системы мифологии и религии содержат остатки более возвышенной формы веры, более высокого, ясного знания о Божественности, которое постепенно затуманивалось и искажалось.

Из лекции Макса Мюллера о *Ведах* (древних гимнах Индии) мы цитируем следующее: В результате, "к которому, несомненно, приведет сравнительное изучение религии, мы узнаем, что религии в их самой древней форме или в сознании их авторов, как правило, свободны от многих недостатков, которые присущи им в более поздние времена".

Ле Паж Ренуф выражает свое полное согласие с "зрелым суждением" Эммануэля Ружа: "Первой характеристикой египетской религии является Единство Бога, выраженное наиболее

энергично: Бог, Единый, Единственный и Неповторимый — никаких других рядом с Ним единственное Существо.... Вера в Единство Верховного Бога и в Его атрибуты как Создателя и Законодателя человека, которого Он наделил бессмертной душой... *это примитивные представления*, окутанные мифологическими домыслами, накопленными веками". Франц Ленорман пришел к такому же выводу. В другом месте Ренуф говорит: "Неоспоримо верно, что более поздние части египетских религий не являются сравнительно поздним результатом процесса развития. Сублимерные части явно древние; и последняя стадия египетской религии ... была, безусловно, самой грубой и испорченной". (*"Религия Древнего Египта"*, стр. 95.) Это мнение подтверждается свидетельствами египетских надписей. В самых древних надписях упоминается Верховный Бог и Владыка всего сущего, в честь которого не воздвигалось святилищ, чье жилище было неизвестно, кто не был высечен в камне, в то время как египтяне более позднего времени поклонялись крокодилам, ихневмонам, змеям, быкам, кошкам и ибисам.

История индуистской веры представляет свидетельства еще более поразительного характера. В Ведах мы находим высказывания и молитвы, которые являются ясным доказательством раннего монотеизма. Таким образом, IX книга Ригведы содержит следующую молитву. "Кто тот Бог, которому мы должны принести нашу жертву? Единорожденный Господь всего, что есть; он установил небеса; он - единый царь дышащего и пробуждающегося мира; он, через которого были установлены небеса; он, кто отмерил свет в воздухе — он, кто единственный есть Бог над всеми богами". Здесь ясно изложена вера в одно Высшее Существо. И все же эта вера в единого Бога со временем выродилась в поклонение 33 000 божествам — пока Гаутама Будда не развил систему, отрицающую само существование Бога.

Обращаясь к Греции, у нас есть свидетельство проф. Макс Мюллер по этому поводу: "Когда мы поднимаемся к далеким вершинам греческой истории, идея Бога как Высшего Существа предстает перед нами как простой факт". (*"Очерки"*, II, стр. 146.) Карл Бетчер в своем великом труде о поклонении греков дереву утверждает: "Насколько легенды греков можно проследить до доисторических времен, вся нация поклонялась единому Богу, безымянному, без статуй, без храма, невидимому и вездесущему". Это он рассматривает как традицию "неопровержимой внутренней правдивости.... Таким образом, начало политеизма представляет собой *вторую* фазу греческой религии, которой предшествовал монотеизм". Каждый изучающий греческую литературу знает, что эта первоначальная вера в раннем возрасте уступила место поклонению богам на Олимпе, поклонению, которое, в свою очередь, уступило место открыто признаваемому атеизму. Греки знали об этом упадке. Платон в своем "Фидросе" (274 В) цитирует Сократа: "Я знаю старую поговорку о том, что наши предки знали, что представляет собой истинное поклонение Богу; если бы мы только могли узнать, что это было, нуждались бы мы тогда в *человеческих* теориях и мнениях по этому вопросу?" Безусловно, поразительное заявление из уст язычника. Несомненно, Велкер был прав, когда утверждал в качестве конечного результата своих исследований: "Этот (греческий) политеизм утвердился перед глазами людей подобно высокому и непрерывному горному хребту, за пределами которого только общее историческое изучение позволяет распознать с более высокой точки зрения естественный первобытный монотеизм". Относительно монотеистических идей более поздней греческой мысли тот же автор говорит, что их следует рассматривать не как результат восходящей линии эволюции ("*aufsteigende Linie der Entwicklung*"), а как "*возвращение* от глубокой мудрости старости к ощущению первобытной простоты".

О финикийцах величайший исследователь их истории и религии Ф. К. Моверс говорит: "Поклонение природе постепенно затмило более чистую идею Бога более древней стадии веры, но никогда не уничтожало ее полностью". Он ссылается на очевидную "фальсификацию более чистой и древней идеи Бога".

Относительно зороастрийцев древней Персии М. Хауг, известный ученый-зендист, утверждает, что "монотеизм был ведущей идеей теологии Зороастра"; он называл Бога Ахурамаздой, то есть "Живым Творцом". Зороастр не учил теологическому дуализму. Он пришел "к идее единства и неделимости Высшего Существа", и только по мере того, как "с течением времени эта доктрина была изменена и *искажена* ... возник дуализм Бога и дьявола". "Монотеизм был *вытеснен* дуализмом".

И доктор Ф. Хоммель, и Фридрих Делич сходятся во мнении по вопросу о раннем арабском и шумерском монотеизме. Доктор Хоммель демонстрирует на основании личных фамилий, содержащихся в надписях, существование "очень возвышенного монотеизма" в древнейшие времена арабской нации, около 2500 г. до н.э., и среди семитских племен северной Вавилонии. Эта "монотеистическая религия" выродилась под влиянием вавилонского политеизма. Того же мнения много лет назад придерживался Джулиус Опперт, ассириолог, который пришел к вере в "универсальный примитивный монотеизм как основу всех религий".

Выражения, подобные приведенным выше, можно привести у Роулинсона, Легга (*"Религии Китая"*), Доэллинджера, Виктора В. Штраус-Торни (египтолог), Якоб Гримм и другие. Короче говоря, большинство независимых и непредвзятых исследователей языческих верований, начиная со времен А. В. В. Шлегеля и заканчивая нашими, пришли к выводу, что все религии на своих более поздних стадиях демонстрируют гораздо более низкое представление о Божественности, чем в их более ранней форме. Только безнадежно предубежденный человек может сказать, как это делает Джон Фiske, что "рассматривать классическое язычество как один из деградировавших пережитков первобытного монотеизма - значит грешить против канонов здоровой индуктивной философии". Казалось бы, грешить против созвучных свидетельств всеобщей истории — простительное преступление, когда на карту поставлена целостность этой "здоровой индуктивной философии", то есть теории Спенсера. Достаточно одного взгляда на хорошо известные факты религиозной истории, чтобы показать действие этого *Закона упадка*, влияющего на развитие каждой системы этнических верований, имеющей письменную историю или литературу.

Действие этого закона можно проследить даже на примере диких племен наших дней. Об африканских неграх П. Бандин говорит, что "их традиции и религиозные доктрины ... ясно показывают, что это народ в упадке.... У них смутное представление о единственном Боге... которому больше не поклоняются". (*"Фетишизм"*, стр. 7-10.) Уинвуд Рид свидетельствует: "Негры обладают остатками благородной и возвышенной религии, хотя они забыли ее заповеди и унизили ее церемонии". Они все еще хранят воспоминание "о Боге, Всевышнем, Творце". Что касается зулусов, Бастиан записывает, что они сообщили ему, что "их предки обладали знанием о ... том *источнике бытия*, который находится наверху, который дает жизнь людям". (*"Vorgeschichtliche Schoepfungslieder"*.) Миссионер Генерального синода лютеран, преподобный Дж. К. Педерсен, написал в *"Лютеранском обозревателе"*, август 1910 г., об африканских аборигенах, что они все еще проявляют значительную религиозность, но "спросите его, кто тот Бог, в которого вы верите? что вы подразумеваете под доверием? как он может вам помочь? и он

ответит: "Я не знаю, но древние люди говорили так и учили нас говорить так". "Джон Хэннинг Спик в своем *"Дневнике открытия истоков Нила"* описывает воспоминания деградировавших дикарей, среди которых он жил, о верховном Боге, обитающем на небесах, но которому больше не поклонялись. Мунго Парк в дневнике своих *"Путешествий во внутренние районы Африки"* говорит, что мандинго, дегенеративная раса поклонников фетиша, все еще обладали знанием о едином Боге, но не возносили ему молитв и прошений.

В отчете о своем знаменитом кругосветном плавании капитан Кук говорит, что каннибалы Новой Зеландии все еще признавали существование высшего существа, хотя их религия представляла собой грубую систему спиритических практик.

Что касается корейцев, миссис Л. Х. Андервуд, медицинский миссионер, говорит, что тысячи недостойных божеств сейчас переполняют храмы, хотя великому вселенскому Правителю все еще иногда поклоняются, и "древняя чистота веры и богослужения, к сожалению, омрачена".

Выдающийся исследователь современных миссий Иоганн Варнек в книге *"Живой Христос и умирающее язычество"* (F. H. Revell Co.) приходит к выводу, что христианская религия и ее монотеизм не только не произошли от низших истоков, но и что языческие религии, рассматриваемые исторически, являются вырождением высшего знания о Боге. Другими словами, применение доктрины эволюции к области сравнительного религиоведения является ошибкой. "Ни в одной из известных мне форм анимизма нет линий, ведущих к совершенству, а только неоспоримые признаки вырождения", - говорит автор. "В язычестве золото божественной мысли превращается в шлак".

Говорит он: "Мне посоветовали признать, что идея эволюции, которая в настоящее время правит научным миром, должна править и в исследовании религии. Я неплохо знаком с литературой по этому вопросу, я описал анимистическое язычество настолько конкретно, насколько мог; я строго ограничился этим. Я начал с фактов из опыта; затем я сделал из них выводы. Если они не согласуются с доминирующей гипотезой эволюции, то это связано с жестокими фактами, а не с предположениями наблюдателя.

"Я не отрицаю, что что-то можно сказать в пользу идеи эволюции в религиях человечества, но изучение анимизма, с которым я давно знаком как очевидец, не привело меня к этой идее. Скорее, убеждение, к которому я пришел, заключается в том, что анимистическое язычество не является переходной стадией к более высокой религии. Нет никаких фактов, доказывающих, что анимистическое язычество где-то и каким-то образом эволюционировало вверх, к более чистому познанию Бога. Я много лет проработал миссионером, общаясь с тысячами приверженцев анимистического язычества, и я был убежден, что сила этого язычества враждебна Богу".

В той же работе доктор Уорнек говорит, что среди баттаков Суматры есть "остатки чистой идеи Бога". Но есть также множество духов, порожденных страхом, которые встают между Богом и человеком. "Идея Бога, которая встречается в религиях Индийского архипелага и, вероятно, также Африки, не может быть выделена из пестрой мешанины богов и природы, поскольку она существует в прямой противоположности последней. Идея Бога сохранилась, но поклонение Ему утрачено". В рецензии на эту книгу покойный доктор Шмаук сказал в 1910 году:

"Беспристрастное изучение языческих религий подтверждает точку зрения Павла о том, что язычество - это отступление от лучшего знания Бога. Идолы стоят между Богом и человеком".

У. Сент-Клер Тисдейл завершает исчерпывающее исследование *"Христианство и другие религии"* заявлением: "Из этого следует, что монотеизм исторически предшествовал политеизму, и что последний является искажением первого. Невозможно объяснить факты. Взятые вместе, они показывают, что, как утверждает Библия, человек в самом начале истории знал Единого Истинного Бога. Это подразумевает какое-то Откровение, и следы этого Откровения все еще можно найти во многих древних религиях".

Мы приходим к выводу, что история религии не только не подтверждает эволюционистский постулат о медленном восходящем развитии религий от грубых первоначальных верований, но и совсем наоборот. Это правда, что популярные справочники по сравнительному религиоведению в целом учат развитию религиозной веры через анимизм, фетишизм и политеизм к монотеизму. Но единодушные свидетельства специалистов в области исторических исследований и тех, кто имел непосредственное знакомство с аборигенами языческих земель, свидетельствуют о решительном несогласии с этой позицией. И здесь мы снова встречаем уверенное утверждение об эволюционистском процессе в основном среди тех, кому не хватает квалификации для проведения оригинальных исследований. Даже если дарвиновскую теорию естественного отбора по-прежнему поддерживает не специалист в области биологии, а непрофессионал и любитель, то даже специалист, знакомый с первоисточниками, и исследователь, обладающий знаниями из первых рук, утверждает, что на протяжении истории от более чистых верований к менее духовным, в то время как предвзятость эволюциониста, который не имеет непосредственных знаний об источниках, вынуждает его начинать свою религиозную схему с анимизма и поклонения фетишам. Теория, которая держит его в плену, требует такого построения. Но теории противоречат факты, которые безошибочно указывают на вырождение расы, на Падение Человека.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Вердикт истории.

Джон Фиске, который в семидесятых годах прошлого века популяризировал дарвинизм в Соединенных Штатах, утверждает, что сфера эволюции намного шире, чем область органики. "Нет ни одного предмета, большого или малого, - писал он в *"Столетия науки"*, - который не был бы затронут этой доктриной". Развитие было признано в растениях, горах, устрицах, сослагательном наклонении и конфедерациях диких племен (стр. 35). Фиске - один из тех защитников эволюционистской философии, которые раздражают своей самоуверенностью. Послушайте его в *"Дарвинизме и других очерках"*: "Можно пересчитать по пальцам количество выдающихся натуралистов, которые все еще отказываются принять ее" — дарвиновскую гипотезу. Это было в 1876 году. Сегодня мы знаем, что нельзя назвать одним пальцем выдающихся естествоиспытателей нынешнего столетия, которые все еще принимают это, — Геккеля. Возможно, что распространение теории развития Фиске, в соответствии с принципами, изложенными Гербертом Спенсером, на всю историю человечества, даже на "племенные конфедерации", также подлежит пересмотру. Действительно, казалось бы, что даже без специальных или детальных знаний было бы очевидно несоответствие человеческой истории этому универсальному закону. Рассмотрим еще раз основные концепции эволюции. Их всего два, 1. Все, что есть, эволюционировало, будучи вовлеченным (потенциально, как возможность) в то, что этому предшествовало. Потенциально перо синей птицы находилось в крупинке первоначальной протоплазмы, потенциально полеты гения Данте и Гете были в первичной клетке. Все, что происходило в истории, *развилось* из предшествующих событий. Более того: 2. Все существующее развивалось *по законам природы*. Ученые отказались от

закона, который Дарвин назвал "Естественным отбором", а сам Спенсер пренебрег законом, который он назвал "Выживанием наиболее приспособленных". Но эволюционисты продолжают утверждать, что каким-то образом, благодаря действию определенных законов, то, что существует, естественным образом — нет необходимости в божественном Провидении, управляющем делами людей, — естественным образом развилось из своих предшественников. Таким образом, эволюционист читает историю. Он видит во всех институтах цивилизации, в каждой области культуры, в подъеме и упадке наций, прогрессе и упадке литературы результат естественных законов, определяющих эволюцию человеческого общества в том виде, в каком оно существует сегодня.

Каков же тогда вердикт истории? Соответствует ли он этой схеме? Существует ли очевидное развитие, осуществляемое присущими человеческому обществу силами, от низших уровней культуры к более высоким? Цивилизации [примечание tr: sic] возникли, цивилизации погибли: прослеживается ли в этом действие естественного закона?

Доктор Эмиль Райх в *"Современном обозрении"*, 1889. стр. 45 и далее. указал на несостоятельность теории развития применительно к человеческой культуре. Еврейская религия, так же как и еврейское государство, не произошли от вавилонской, египетской, арабской или хеттской культуры; Греческое искусство не является производным от египетского, ассирийского или финикийского искусства; греческая религия и мифология не произошли от других языческих систем; римское право не развилось из греческого, арийского или египетского права; английская конституционная форма правления не имеет предшественников в немецкой или норманско-французской истории; немецкая музыка не является результатом развития голландской, французской или итальянской музыки. Доктор Райх резюмирует этот вопрос: "Институты не "развиваются", они также не являются "производными", они возникают в результате фульгурации" — внезапных вспышек", в результате процесса, который технически идентичен теологической идее творения. Вся концепция эволюции вообще неприменима к истории".

В этом аргументе есть значительная сила. Ибо, действительно, какой естественный закон может объяснить возникновение человеческих институтов, столь бесконечно разнообразных по своей структуре? Каждая эпоха делится на эпохи, и в центре каждой эпохи находится какой-нибудь сильный и гениальный персонаж. Но как возникли Кромвель, Линкольн, Бисмарк? Какая сила их породила? Откуда они произошли? Однако без этих трех названий три великих периода в мировой истории были бы бессмысленны.

Благодаря какому сочетанию сил, скажем мы, развились различные гении, которые почти впечатляющим образом предстают перед нами, когда мы изучаем литературу прошлого? Юношеские годы Шекспира прошли при обстоятельствах, которые могли бы породить в нем одного скучного и неустрашенного британского деревенщину, похожего, как одно яйцо на другое, на сотни тысяч других людей, живших в его эпоху. Что сделало этого деревенского парня самым поразительным гением во всей истории литературы? Изучите юность Роберта Бернса, Генриха Гейне или Кольриджа, а затем скажите мне, почему первые двое должны были стать величайшими поэтами-лириками своего времени, а третий - одним из глубочайших мыслителей Англии? Почему они не превратились: один - в довольного шотландского фермера, другой - в разносчика идей, а третий - в толстого и преуспевающего английского банкира?

Мы цитируем статью, появившуюся в *"Теологическом ежеквартале"* около двадцати лет назад:

"Какой процесс эволюции привел к жизни и деяниям таких людей, как Александр Македонский, Юлий Цезарь, Константин Великий, Лютер, Наполеон I и Бисмарк? Все эти великие творцы истории были теми, кем они были, гораздо меньше вследствие и благодаря продолжению хода предыдущих событий, чем в значительной степени вопреки прошлому и в прямом противостоянии силам, которые работали сообща, формируя положение вещей, с которым им приходилось иметь дело. Македонская империя никогда бы не возникла, если бы не Александр, в сознании которого были объединены главные факты для ее реализации. В Риме Юлий Цезарь [тр. обратите внимание: так в оригинале] оставили ему было не то, что он нашел, только перенесен на новую ступень развития, но воплощение идеи задуман в уме, количество которых под Богом величайший роман, *сделанный* из количества, которое он нашел. Отличительные черты Константиновской империи по сравнению с империей Диоклетиана или тетрархией, главой которой он был, не развились из более ранних политических принципов, но резко контрастировали и даже находились в прямой оппозиции к самим основам античной государственной мудрости и были настолько новыми в политике, что даже Константин позволил им ускользнуть из его рук задолго до того, как наступил закат его жизни. Лютер не был более развитым Гусом или Савонаролой, а Реформация была не более продвинутой стадией или завершением движения, начатого гуманистами, а делом Божьим, движущий дух которого был так же диаметрально противоположен рационалистическому духу, который вдохновлял Эразма и, в некоторой степени, Цвингли и его пособников, как и антихристианский Рим, который в 1517 году был по сути тем же, чем и в 1302 году, когда Бонифаций VIII издал свою буллу "*Unam sanctum*" как определение прав христиан. и силы папства. Наполеон не пошел дальше, а вырвался из суматохи французской политики, когда положил к своим ногам большую часть Западной Европы, и битва при Аустерлице и правило Ста дней произошли из Французской революции не в большей степени, чем сожжение Москвы и снегопады в России, которые свели на нет кампанию 1812 года ". (А. Л. Гребнер.)

Согласно теории, мы могли бы ожидать, что в различных областях *искусства* совершенство будет поздним цветением, расцветающим только после столетий слабых экспериментов и попыток. Но каковы же факты? Когда мы изучаем историю любого искусства, будь то литература или любой раздел литературы; будь то архитектура, скульптура, домашнее искусство или даже военное искусство, — мы находим высшую кульминацию либо в точках, которые специально исключают идею развития, либо, действительно, совершенство сияет в самом начале, все последующее искусство является упадком и отступлением от этого первоначального совершенства.

В эпической поэзии величайшее произведение не стоит в конце длительного периода развития, но самое первое и древнее - величайшее. Никогда не создавалось ничего, что могло бы сравниться с "Илиадой" и "Одиссеей", написанными за 900 год до нашей эры. У нас есть эпосы, которые всегда будут занимать видное место в литературе, "Энеида" Вергилия, "Потерянный рай" Мильтона, но ни они, ни многие попытки развития эпической поэзии до или после них не будут всерьез рассматриваться как соперники рапсодиям Гомера.

Первый из когда-либо написанных романов, "Дон Кихот" Сервантеса, остается одним из величайших.

Древнейшие драматурги - Эсхил, Еврипид, Софокл - никогда не были превзойдены.

И таким образом, в каждой области искусства самая ранняя стадия развития кажется самой совершенной. Строительство пирамид было развлечением самых ранних фараонов; более поздние не пытались соперничать с этими сооружениями ни с одним из своих собственных. В наши дни невозможно изготовить более изысканных украшений, чем золотые украшения, найденные в древнейших гробницах Египта. Лучшие образцы восточноиндийской архитектуры - самые древние. Готическое искусство развивалось не медленно, но достигло полного совершенства в своих самых ранних образцах, таких как Амьенский собор.

Эволюция представляет историю нашей расы как постоянное восхождение, от грубых или почти грубых начал, ко все более высоким формам цивилизации, пока не были достигнуты высоты, которых наша раса достигла в нынешнем столетии. В действительности обратный процесс, постоянный и неизменный процесс вырождения, характеризует историю наций и народностей. Там, где христианство стало важным фактором, как в истории Западной Европы, так и в результатах христианских миссий в языческих странах, мы действительно можем наблюдать подъем от варварских или изуверских условий к утонченности и культуре. Но только там, где проповедуется христианское Евангелие, был нарушен естественный процесс разложения, дегенерации. В других местах, то есть там, где чисто природным силам была предоставлена полная свобода действий, человечество пришло в упадок физически, умственно, духовно. Все цивилизации иллюстрируют этот закон упадка. Вильгельм Ф. Грив в своей книге *"Примитивные народы Южной Америки"* (Цинциннати, 1893) резюмирует свои наблюдения за южноамериканским континентом следующим образом: "Малазийские аборигены Южной Америки за 3000 лет не продвинулись в развитии. Японские первооткрыватели Перу свидетельствуют, что они обнаружили местных жителей в состоянии крайнего упадка; в течение 1500 лет они не добились никакого прогресса, а впали в регресс. Когда пришли испанцы, они описали аборигенов Чили и Аргентины таким образом, что совершенно очевидно, как мало эти племена продвинулись вперед за 3000 лет. Арауканцы Чили, даже в исторические времена, сильно выродились; они утратили само значение многих слов; сохранив оболочку, они потеряли ядро. В Перу за эпохой героических подвигов и замечательной архитектуры последовал упадок — религиозный, моральный, интеллектуальный. Население было практически уничтожено пороками и жестокостью. Их соседи, чибча, также описали дугу, которая закончилась поклонением дьяволу. Точно так же история ботокуде - это вырождение, порок, зверства. Негритянские племена на севере и востоке Южной Америки не зафиксировали никакого прогресса, но, с другой стороны, скатились к мерзостям, рабству, каннибализму. Где же тогда поддержка эволюционной теории с ее предположением о восходящей тенденции от грубого состояния к цивилизованной жизни? Повсюду в первобытной Южной Америке мы видим на наших глазах процесс упадка. Кроме того, религиозная идея стала затемненной. У некоторых из этих племен был первоначальный монотеизм. Они признали верховного творца всего сущего и дали ему различные имена. Но духовный характер их знания о Боге постепенно затемнялся, Бог был втянут в сферу чувств, и с Ним ассоциировались низшие божества — нисходящее развитие, которое абсолютно противоречит дарвиновской гипотезе. От первоначального, чистого, духовного поклонения до грубого идолопоклонства — вот религиозный упадок, который в мире за пределами Библии встречается нам повсюду, в том числе и среди коренных народов Южной Америки".

Таким образом, в истории человеческого общества мы наблюдаем, если божественная сила Евангелия не является единственным сохраняющим и возрождающим элементом, универсальный закон упадка в человеческих делах. Бесчисленное количество раз и в самые

критические моменты истории человечества выживали не самые приспособленные, а самые неприспособленные. Доктор А. Л. Гребнер сказал: "Принцип "выживания наиболее приспособленных" настолько далек от объяснения исторических явлений, что трезвое исследование исторических фактов категорически противоречит самому принципу и совершенно подрывает его. То, что в природе существуют многочисленные случаи выживания *_un_fittest_*, не только признается нашими эволюционистами, но и намеренно используется в качестве аргумента против телеологии (божественной цели) и божественного провидения! И мы просим, это было выживание наиболее приспособленных, что Юлий Цезарь, [тр. обратите внимание: так в оригинале], один из величайших правителей всех возрастов, должны поддаваться под кинжалами Брута и Кассия: что Павла и Сенеки должны умереть на основании их неполноценности, Неро; что католицизм, прогнила насквозь и в лице мужчины, который бы взял на *ignominious* [тр. обратите внимание: так в оригинале] краха или исчезновения всех остальных династии во времена Римской порнокрации, должен выжить, в то время как знаменитый дом Генриха I. сжалось от разорения в третьем и четвертом поколении, что Ян Гус должен умереть на костре и Жан Шарлье де Жерсон в робкого десятка монастырских выхода на пенсию, в то время как Бальтазар Косса, однозначно уступает в своих талантах и обучения, и каждый дюйм печально известный негодяй, имеющий некоторое время даже опального Римского престола как Иоанна XXIII, закончил свои дни в качестве кардинала и епископа Тускул и декан Священной коллегии; что Джироламо Савонарола, один из самых замечательных и чисто настроенных лидеров своего времени и всех времен, надо бороться и раздавленным в борьбе с мужчинами, не один из которых был достоин *unloosing* его ремень обуви, среди них Александр VI, один из самых скандальных негодяи во всей истории человечества? Выживает сильнейший!"

Статья, из которой мы процитировали, указывает на актуальность для рассматриваемого вопроса принципа вырождения и постепенного разложения исторических организмов или институтов. "Наши ученые, которые беспокоят себя и других по поводу происхождения человека, с большим интересом относятся к австралийским бушменам и другим типам дикого человечества со скошенными черепами, плоскими носами, тонкими ногами, почти без одежды и почти без морали или религии. Чем ниже по шкале и чем дальше от цивилизованного европеоида казалось бы недавно обнаруженное или исследованное племя или особь, живая или мертвая, тем выше была ценность открытия, потому что предполагалось, что наука ближе подошла к недостающему звену - переходу от животного к человеку. Конечно, недостающее звено никогда не будет обнаружено, потому что его никогда не существовало. Перехода от животного к человеку нет и никогда не было. Но если бы существовал вид существ, который можно было бы отнести либо к человеку, либо к животным, переходный вид, то даже это не обязательно означало бы переход в направлении от животного к человеку. Мы не утверждаем, что переход от человека к животному возможен; ибо это не так; но мы утверждаем, что эволюционист, который видит в бушменах и других дикарях образцы человечности, представляющие более ранние стадии развития, через которые более высокоразвитые виды уже давно прошли на пути от примитивного состояния человека к их нынешнему состоянию, совершает большую, фундаментальную ошибку, ту же ошибку, которую можно было бы совершить, предположив, что бледные и дряхлые обитатели городской больницы или сельской богадельни представляли собой низшую стадию развития, из которой вышли сильные и здоровые мужчины и женщины в окружающей местности. был развит. Наши эволюционисты находятся во многом в таком же положении, как Марк Твен и его друг, которые, проспав весь

день, выбежали из отеля в скудной одежде, забрались на обсерваторию и на потеху гостям громко восхищались тем, что они приняли за знаменитый восход солнца в Риги, в то время как на самом деле они кричали и жестикулировали, глядя на заходящее солнце. Но в то время как наши туристы вскоре обнаружили свою ошибку, наши эволюционисты - нет; что не делает это меньшей ошибкой. Святой Павел нарисовал яркую картину разлагающего влияния греха на народы, находящиеся под праведным гневом Божиим * [[* Рим. 1, 18-32.]], и путь, по которому греческая нация и римляне прошли бы от своей первозданной силы, проявленной во времена Фермопил и Канн, до состояния *старческого маразма*, описанного Ювеналом, состояния гниения, которое не могло исправить даже переливание германской крови в гнилые вены этой дегенеративной и разлагающейся расы, является ужасающим. подтверждение свидетельства апостола".

Мы не можем оставить эту тему, не обратившись кратко к великому историческому факту, действительно, самому массовому и значительному факту во всей истории, который в своих отдаленных проявлениях не только поражает самое сердце эволюционистской философии, но в то же время смертельно ранит ее во всех ее частях. Я имею в виду Воскресение нашего Господа. Воскресение Иисуса Христа является центральным фактом нашей христианской веры, и при правильном понимании оно является исчерпывающим ответом на теорию эволюции. Воскресение Христа является историческим фактом в такой же степени, как поражение Ксеркса при Саламине в 480 году до н.э., открытие Америки Колумбом в 1492 году и Версальский мир 1919 года являются историческими фактами, подтвержденными словами и свидетельствами современных свидетелей. Но если Христос воскрес, тогда у нас есть доказательства следующих догматов, все из которых противоречат эволюционным спекуляциям по столь многим жизненно важным пунктам: 1) Существование личного Бога, который занимается делами людей; 2) Реальность чудесного вмешательства в силы природы; 3) Истина искупления и 4) Вдохновение Ветхозаветных Писаний (отсюда также и рассказ о сотворении мира в Книге Бытия). Детали аргументации выходят за рамки данной статьи, но небольшое терпеливое изучение прольет свет на тот факт, что каждая из этих четырех основных идей настолько запутана, умерщвлена и закреплена в факте воскресения Христа, что вы можете избавиться от них всех, только отрицая этот факт. Следовательно, независимо от любого исследования доказательств эволюционизма, изучающему христианство ясно, что либо в разуме, либо в наблюдении должна быть какая-то ошибка, которая искажает всю теорию. Воскресение Христа - это факт, о котором свидетельствует вся история христианства, самый потрясающий факт в истории мира. И это противоречит теории, которая утверждает, что нет личного Бога, что нет греха, нет искупления; что нет чудес, нет откровения, нет вдохновения; что нет абсолютной религии или абсолютного стандарта добра и неправды.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Доказательства умысла.

Сравните все, что было сказано самими учеными об эволюционной теории, и что останется? Это всего лишь то, что каким-то образом, мы не знаем, когда, возникла жизнь, и каким-то образом, мы не знаем, по каким законам одна форма эволюционировала из другой, пока мы и мир вокруг нас не стали такими, какие мы есть сейчас. Итак, тот факт, что до сих пор учеными не было открыто никаких *законов*, объясняющих это предполагаемое развитие всего сущего под действием присущих ему сил, очень важен, и выводы, которые логически следуют из этого, заслуживают нашего внимания. С тех пор как двадцать или тридцать лет назад было отвергнуто решение Дарвина о Естественном отборе, было предложено множество других решений, но ни

одно из них не получило одобрения даже уважаемой группы ученых, не говоря уже обо всех. Эти решения, такие как теории де Фриза и Менделя, откровенно говоря, являются не более чем догадками, основанными на определенных наблюдениях за жизнью растений и насекомых, и их создатели ни в коем случае не утверждают, что они нашли закон, с помощью которого можно объяснить вселенную. Но если универсального закона не существует, то есть только *случайность*. Отсюда ясно, что нас просят поверить в то, что древнегреческие предположения были, в конце концов, недалеко от истины, что мир возник в результате случайного соединения атомов и что благодаря случайным сочетаниям элементов возникло великое разнообразие живых существ.

Таково сегодняшнее состояние эволюционистской мысли. Общеизвестно, что нет *прямых* доказательств органической эволюции. То, что геологию нельзя цитировать, также довольно широко признается, поскольку внезапный рост совершенных (не наполовину развитых) насекомых, совершенных рыб, совершенных млекопитающих ясен даже человеку, который просто перелистывает учебники Гейки, Ле Конте и Даны или посещает музей Филда. И все же *каким-то образом* вещи должны были стать такими, какие они есть, в результате развития из более ранних форм, — это примерно подводит итог тому, что на самом деле содержится в концепции эволюции в том виде, в каком она появляется в самой последней научной литературе, насколько ученые вообще затрагивают этот предмет. Однако они ни в коем случае не настаивают на эволюционном принципе, как это было раньше. Особенно бактериологи, как мне сообщил химик с международной репутацией, доктор П. А. Кобер из Нью-Йорка, как класс склонны отказаться от этой теории как от "неверной догадки". Ведь они находят в ископаемых рыбах пораженные болезнью части, которые несут на себе безошибочные следы действия бактерий, живущих в наши дни, другими словами, которые за "бесчисленные миллионы лет" не развились настолько, чтобы показать какие-либо изменения, заметные под самым мощным микроскопом! [tr. примечание: sic] Антропологи качают головой, когда эволюционисты говорят им, что животное, которое демонстрирует явное "структурное сходство" с определенными точками анатомии человека, — это маленькая ископаемая обезьяна, размером с домашнюю кошку, с черепом диаметром в один дюйм! Не остается никаких доказательств, прямых или косвенных, того, что какой-либо *принцип* привел к изменениям, которые, как считается, произошли. Все вещи эволюционировали, если они вообще эволюционировали, *случайно*.

Итак, против этой доктрины случайности выступает тот монументальный факт, что во всей природе, живой и неживой, действует принцип *замысла*. Минералы, растения, животные — все они демонстрируют, как знает или мог бы знать даже поверхностный наблюдатель, определенный план. Есть замысел в кристаллах, в которых существуют элементы, когда они переходят из жидкого состояния в твердое; есть замысел в листе и цветке каждого растения; есть план, замысел в строении и физиологии животных. Мы бы добавили, что в истории Избранной Расы, евреев, есть очевидный план, каким мы располагаем в Ветхом и Новом Заветах; есть план в моральной сфере, законы, приводящие к неизменным результатам; есть упорядоченная схема даже в жизни индивидуума. Но давайте ограничим наше исследование областью природы. Давайте отметим, насколько нет необходимости предполагать, что по чистой случайности вещи стали такими, какие они есть.

Как правило, каждое химическое вещество имеет индивидуальный кристалл, по которому его можно отличить. Можно классифицировать тысячи различных кристаллов, поскольку все они принадлежат к одному из шести классов, в зависимости от того, как их поверхности

сгруппированы симметрично вокруг осей кристалла. Кристалл соли имеет одну форму, топаз - другую, кварц и берилл - третью, бура - третью, и эти формы абсолютно неизменны везде, где эти вещества встречаются в природе или в реторте химика. В наши намерения здесь не входит указывать на то, насколько невозможно предположить, что произошла эволюция одной из этих форм из другой. Дело в том, что здесь присутствует не случайность, а упорядоченное расположение, симметричная форма, одним словом, максимально очевидный замысел.

Обращаясь к жизни растений, даже студент-любитель не может не заметить, что весь растительный мир построен на прекрасной системе, которая наиболее убедительно доказывает не случайное расположение, а спланированность. Место каждого листа на каждом растении заранее определено безошибочным математическим правилом. По мере роста стеблей лист за листом появляются точно на своем predetermined месте, создавая совершенную симметрию; —симметрия, которая проявляется не в одном монотонном рисунке для всех растений, а в определенном количестве форм, демонстрируемых различными видами, и арифметически выражается серией дробей, $1/2$, $1/3$, $2/5$, $3/8$, $5/13$, $8/21$, и т.д., в зависимости от того, как формирующая энергия движется по спирали вверх, развивающийся стебель закладывает с соответствующими интервалами 2, 3, 5, 8, 13, или 21 ряд альтернативных листьев.

Положение каждого цветка заранее определяется положением листьев; так что форма каждой цветочной грозди в букете задается тем же простым математическим законом, который упорядочивает листву. У каждого цветка есть "Числовой план". Хотя не во всех случаях это легко понять, все же в целом ясно видно, что в основе каждого цветка лежит определенное число, которое проходит через все или большинство его частей. И главное, что замечает ботаник, рассматривая цветок, - это его числовой план. Именно от этого зависит симметрия цветка. Таким образом, очиток и лен основаны на числе пять, которое проявляется во всех их частях. Некоторые цветки этого же очитка состоят из четырех частей, и затем это число распространяется повсюду; а именно, имеется четыре чашелистика, четыре лепестка, восемь тычинок (две пары) и четыре пестика.

Далее давайте коснемся плана, который связывает растение с животным миром. Чудесные приспособления многих цветов и насекомых друг к другу, как в отношении оплодотворения первых, так и в отношении жизни отдельного насекомого и размножения его вида, являются свидетельством замысла. Например, существуют определенные виды растений, оплодотворение которых зависит от определенных видов моли, обитающих в цветах, а моли, в свою очередь, зависят от растений. Они откладывают свои яйца в завязи цветов, где вылупляются и питаются детеныши. В некоторых случаях мотыльки переносят пыльцу и откладывают ее на рыльцах цветов, как будто руководствуясь разумом. Положения, принятые для обеспечения оплодотворения растений, настолько замечательны, что декан американского факультета ботаники, профессор Эйса Грей, восклицает: "Если эти структуры и их действия не свидетельствуют о намерении, какие более веские доказательства намерения в природе могут быть? Если это так, то таких свидетельств бесчисленное множество, и почти каждый цветок является отчетливым свидетельством существования и провидения Дизайнера и Распорядителя, без которого, как мы вполне можем поверить, не может упасть не только воробей, но даже пыльцевая крупинка". (Обо всем этом читайте в книге Селины Гэй *"Ферма великого мира"*, опубликованной MacMillan Co., Нью-Йорк.)

Мы можем лишь слегка коснуться чудес замысла в строении и функциях животных. Вот перо, любое перо, скажем, орлиное. Мы цитируем следующее об "Одном из чудес природы — Пере" из статьи в популярном журнале:

"Для большинства людей перо - это просто перо, красивое или невзрачное, в зависимости от того, какая расцветка соответствует их индивидуальному вкусу. И все же, когда перо рассматривается критически, оно становится чудом, и еще более чудесным — оно удивительно, когда понимаешь его детали. Никогда еще не существовало вещи, лучше спланированной и построенной для предполагаемого использования.

Возьмем, к примеру, простое перо - скажем, перо из хвоста орла. Длинное перо изготовлено из перьевой кости, этого удивительно легкого, но прочного материала, который образует жесткую часть всех перьев, настолько жесткого, что его почти невозможно сломать, и в то же время настолько гибкого, что оно сгибается в круг, а затем пружинит обратно, как кусочек китового уса! Ничто из того, что когда-либо был в состоянии создать человек, не может сравниться с этим.

"В взрослом пере нет ни крови, ни нервов, ни кровообращения и, по-видимому, нет жизни, но оно не разлагается; на самом деле, это одна из самых трудных вещей в мире, которую труднее всего уничтожить любым процессом разложения. Оно сохраняет свою упругость и эластичность в течение многих лет — все, что необходимо, это сохранять его сухим. Снаружи оно покрыто по всей длине ребра (или пера) твердой глянцевой эмалью, и эта эмаль сохраняет свой блеск до тех пор, пока держится перо.

"С инженерной точки зрения, или с точки зрения механика или ремесленника, нет абсолютно никаких предложений о том, что можно улучшить, поскольку перо - это точное, идеально законченное изделие. Длинное центральное перо сужается от основания к острию с геометрической точностью, тем самым обеспечивая идеальную устойчивость к изгибающей силе, и это один из секретов, позволяющих птице летать так же легко, как человеку ходить. Кроме того, это длинное перо является полым, благодаря чему устраняется весь дополнительный вес и достигается дополнительная прочность за счет сжатия трубки; и чтобы сделать его идеальным с механической точки зрения, нижняя сторона пера усилена утолщением оболочки самого пера с двойным скручиванием, чтобы уравнивать деформации.

Это длинное перо также слегка изогнуто, чтобы снова встретить сопротивление воздуха и преодолеть его, когда весь хвост расправляется веерообразно, чтобы внезапно изменить направление или проверить скорость в полете.

"Длинные, мягкие боковые части сформированы из множества крошечных перьев, каждое из которых идеально оснащено, идеально изготовлено, механически и геометрически безупречно. У каждого из этих крошечных боковых перьев есть своя средняя жилка, которая сужается от основания к кончику, и каждое из этих средних перьев имеет свой собственный набор боковых "волосков", настолько красиво сконструированных, что они автоматически соединяются с боковыми с каждой стороны таким образом, что образуют сплошную, но гибкую массу по всей поверхности, по которой проходит воздух во время полета птицы.

"Если эти боковые перья раздвинуть, они встанут на место настолько точно, что трещину невозможно будет обнаружить. Ничто другое в природе не восстанавливает себя с такой точностью. Многие вещи, например, клешневидная ножка рака, точно восстанавливаются

после разрушения, но само по себе *пероисправляет* свои собственные поломки точно и автоматически.

"В целом, перо - одно из самых совершенных творений природы, потому что используемый материал - это единственное лучшее, что есть во всем, применяемые инженерные принципы безупречны, математический план точен, конструкция совершенна, окраска и артистизм безупречны, и в этом нет ни единого момента, который можно было бы конструктивно критиковать.

"Эта короткая статья может лишь намекнуть на удивительные вещи, которые можно найти в одном пере, и это то, что стоит не часа, а недель или месяцев самого кропотливого и тщательного изучения, поскольку охватывает удивительную область".

Электрическая батарейка у некоторых рыб настолько очевидна, что Чарльз Дарвин признал свою неспособность объяснить это Естественным отбором. Электрический луч, или торпеда, например, была снабжена батарейкой, которая, хотя и очень похожа, но по красоте и компактности своей конструкции значительно превосходит батарейки, с помощью которых человек теперь научился подчинять законы электричества своей воле. В этой батарее не менее 940 шестиугольных столбиков, похожих на столбики пчелиного сота, и каждый из них разделен рядом горизонтальных пластин, которые, по-видимому, аналогичны пластинам аккумуляторов, используемых в автомобилях. Весь организм снабжен огромным количеством нервной материи, четыре большие ветви которой по величине равны спинному мозгу животного, и они распространяются множеством нитевидных отростков вокруг призматических столбиков и, наконец, проходят во все клетки. "Полное знание всех тайн, которые постепенно раскрывались со времен Гальвани до времен Фарадея, и многих других, которые все еще непостижимы для нас, представлено в этой структуре". Пусть мистер Дарвин скажет: "Невозможно представить, какими шагами были произведены эти чудесные органы. Мы видим цель — подготовить специальный аппарат; но мы не имеем ни малейшего представления о применяемых средствах. И все же мы можем видеть, что и здесь другие законы, относящиеся совершенно к другой области природы — законы органического роста — подчинены очень определенной и очень специфической цели". [примечание: так указано в пунктуации]

"Новорожденный кенгуру, - говорит профессор оуэн, - около дюйма длиной, голый, слепой, с очень рудиментарными конечностями и хвостом; у одного из них, которого я осматривал на следующее утро после рождения, я не смог различить акта сосания; он свисал, как зародыш, с конца длинного соска и, казалось, не мог извлекать оттуда пищу собственными усилиями. Соответственно, мать снабжена своеобразной адаптацией мышцы (*кремастера*) к молочной железе, с помощью которой она может впрыскивать молоко из соска в рот подвешенного эмбриона. Если бы гортань животного была такой же, как у родительницы, молоко могло бы, вероятно, попасть в дыхательное горло и вызвать удушье: но гортань имеет конусообразную форму с отверстием на вершине, которое выступает, как у китообразных, в заднее отверстие ноздрей, где оно плотно охвачено мышцами "мягкого неба". Таким образом, дыхательный канал полностью отделен от зева (рта), и впрыскиваемое молоко проходит разделенной струей по обе стороны от основания гортани в ноздри. пищевод. Эти взаимосвязанные модификации строения матери и плода, *разработанные* с особым учетом особых условий жизни как матери, так и потомства, представляют собой, как мне кажется, неопровержимое свидетельство *творческой дальновидности*. Части этого аппарата не могли произвести друг друга; одна часть

находится в матери, другая - в детеныше; без их гармонии они не могли бы быть эффективными; но ничто, кроме замысла, не может привести их к гармонии. Они предназначены для совместной работы, и мы не можем не убедиться в этом намерении, когда факты впервые предстают перед нами".

Мы не можем остановиться, чтобы описать чудеса строения человеческого глаза и уха, органов пищеварения и кровеносной системы животных, адаптации рыб к водной стихии. Но мы должны упомянуть выдающуюся особенность всей животной жизни, очевидное сходство плана, на котором построено *все царство* разумной жизни. От амобы и других инфузорий простейшего строения, от кораллов и устриц, птиц, рептилий до млекопитающих существует очевидная градация, многие структуры представлены у целых больших групп живых существ, таких как легкие, дышащие воздухом. Вот грандиозный план животной жизни, который позволяет нам классифицировать все живые существа в систему. Существуют классы и подклассы, порядки или семейства, подотряды, трибы, подсемейства, роды, виды и разновидности, точно так же, как в мире растений и даже, в соответствии с их атомным весом, среди элементов. Мы видим во всем этом творческий замысел. Эволюционист верит, что он может распознавать стадии прогресса. Сходство плана интерпретируется как доказательство общего происхождения. Должны ли мы признать, перед лицом всего, что было сказано о постоянстве видов (упомяну только это), разумность такого предположения? Говорят ли упорядоченность и план в пользу развития? Паровой двигатель - это машина замечательной конструкции. Он прошел, в одном смысле этого слова, замечательную "эволюцию". Он основан на определенных принципах, основой одного из которых является расширяемость пара и его способность, будучи заключенным в цилиндре, приводить в движение поршень. Паровая машина сначала использовалась для перекачки воды, затем для поворота механизмов, затем для приведения в движение лодок, и теперь ее венчающий отдел виден в локомотиве. Существует план, подобие, схожесть, которая пронизывает все паровые машины, находятся ли они в шахте, на мельнице, под палубой парохода или на железнодорожном полотне. Но локомотив не создан на основе шахтного двигателя; он сделан новым и представляет собой отдельный тип. И все же в обоих случаях используются одни и те же принципы. То же самое происходит и с родами животных. У кита и слона есть позвоночник, суставчатые конечности, теплая кровь и сотня гомологичных органов. Они оба млекопитающие, оба проницательны и наделены острыми чувствами. Но в остальном они непохожи как на локомотив-монстр, который тянет тяжелый поезд по Сьеррам, так и на составные паровозы "*Фатерланда*". Сходство структур убедительно доказывает единство плана, но ни в коем случае не доказывает идентичность происхождения.

Очевидность замысла в природе противоречит идее о том, что все вещи в органической сфере стали такими, какие они есть, случайно. Но это полностью согласуется с христианским взглядом на природу животных. Что это? Она заключается в том, что Бог сотворил различные классы существ в строгом смысле этого слова; то есть, что он создал их отдельными классами и видами, каждый со своими собственными особенностями и привычками, в то время как, в то же время, они возвышаются один над другим в общем и устойчивом порядке, с определенными общими органами и функциями, которые присущи почти всем, кроме низших классов, причем каждый высший класс также обладает некоторыми отчетливыми и дополнительными особенностями, которых нет у тех, кто ниже его. Другими словами, для христианина неуклонно возрастающая шкала в работе творения - это всего лишь раскрытие или развитие великого плана творения, который был в уме Бога. Он верит, что Бог не создавал одну или несколько простых клеток или зародышей и не вызывал развитие из них всех высших форм, вмешавшись

лишь один или два раза (когда появился позвоночник, питающая грудь, разум человека и т.д.), Но что он, выполняя свой план, создал последовательно как отдельные порядки и виды те вещи и существа, которые сейчас существуют как отдельные порядки и виды, и многие из которых вымерли. Это История Творения, приведенная в Книге Бытия: каждое растение, каждое животное созданы на своем собственном месте в масштабе живых существ, но каждое создано как вид — "по роду своему", фраза повторяется после каждого творческого акта третьего, пятого и шестого дня, за исключением человека, который был создан не как "вид", а по образу Божьему.

Но свидетельства замысла все же имеют более высокую природу, чем мы до сих пор рассматривали. В пыльце цветов, дыхании губок и орлином взоре действует не только Созидательный Разум; Разум господствует над *Вселенной в целом*. Повсюду царит закон и периодическое, ритмичное движение. Господь, обращаясь к Иову, имеет в виду "меры" земли, "линии", которые Он протянул на ней. Он спрашивает о небесных телах: "Можешь ли ты связать сладостные влияния Плеяд или ослабить связи Ориона? Можешь ли ты вызвать Маццарофа в его время? Или ты можешь направлять Арктура с его сыновьями? И Иов отвечает: "Я знаю, что Ты можешь все".

Итак, Царство Закона проявляется в росе на траве (Иов 38, 28) и во вращении небесных тел. Вселенной правит Разум.

Профессор Келликер (Лейпциг) говорит в своей работе *"Теория развития Дарвина"* (1904): "Теория развития Дарвина не нужна, чтобы дать нам возможность понять регулярный гармоничный прогресс всего ряда органических форм от более простых к более совершенным. Существование общих законов природы объясняет эту гармонию, даже если мы предположим, что все существа возникли отдельно и независимо друг от друга. Дарвин забывает, что неорганическая природа, в которой не может быть мысли о генетической связи форм, "что одна форма кристалла, например, возникла из другой", демонстрирует тот же регулярный план, что и органический мир (растений и животных), и что, если привести только один пример, существует такая же естественная система минералов, как растений и животных". Мы можем пойти еще дальше и сказать, что существует система и упорядоченный замысел даже в положении и движении звезд, которые, конечно, не развились одна из другой.

Что еще более удивительно, нам позволено верить, что существует единый план, соединяющий расположение атомов в молекуле и положение звезд и планет. Доктор Чарльз Янг, профессор астрономии Принстонского колледжа, говорит в своем большом учебнике по своей специальной теме, что "наша планетная система (солнце и планеты) - это не просто случайное скопление тел", что "на самом деле наблюдается множество соотношений, которые полностью независимы от гравитации". Другими словами, в положении и движениях планет есть признаки замысла, который не может быть объяснен законами природы. Мы укажем на пример такого расположения — постепенное удаление планет от солнца, впервые открытое Тициусом из Виттенберга, а позже (в 1772 году) доведенное до сведения научного мира Иоганном Боде, знаменитым немецким астрономом. Это проявляется в написании строки из девяти четверек, а затем в размещении регулярно увеличивающихся чисел под несколькими четверками, начиная со второй. Таким образом, 3, 6, 12, 24, 48, 96, 192, и 384, каждый увеличенный на 4, дадут результирующий ряд, 4, 7, 10, 16, 28, 52, 100, 196, 388. Эти числа, разделенные на 10, приблизительно равны истинному расстоянию планет от солнца в пересчете на радиус земной

орбиты, за исключением Нептуна. Следовательно, в расположении планет существует столь же упорядоченная система, как мы отмечали применительно к листьям на растении. Любой разумный человек на земле, обнаружив упорядоченную систему материалов, расположенных в таком соотношении с помощью таких средств, немедленно пришел бы к выводу, что это должно быть результатом разума, а не простой случайности.

Примечательным фактом является то, что в так называемом Периодическом законе элементов, составляющих материю, наблюдается то же соотношение. Из восьмидесяти известных в настоящее время элементов ни один из двух не обладает в точности одинаковой способностью противостоять нагреванию, и ни один из двух атомов одних и тех же элементов не имеет одинакового веса по сравнению с атомом водорода. Но эти различия в теплостойкости и весе не случайны, а настолько регулярно прогрессируют, что их можно расположить в виде серии регулярно увеличивающихся интервалов. Однако самым удивительным из всего этого является то, что при рассмотрении этих различий в удельном весе мы обнаруживаем, что они имеют близкое сходство с расположением планет на возрастающих расстояниях от солнца. "По-видимому, существует единый закон для атомов и для миров".

Мы снова спрашиваем: когда в природе существует такое упорядоченное устройство и план, следует ли рассматривать упорядоченный план жизни растений и животных как доказательство эволюции? Конечно, атомы не произошли от атомов, а планеты - от планет.

И снова, поскольку только всемогущество может объяснить "сладостное влияние Плеяд", "рождение Маццарофа" — небесных созвездий в их ночных вращениях, — зачем сопротивляться убеждению, что всемогущество, высказанное в начале, объясняет жизнь на земле, которая существует сейчас?

Еще одно соображение, и мы закончили. Жизнь на земле существует только благодаря сочетанию очень сложных физических условий. Эти условия таковы, что их сочетание нельзя отнести к случайности, говорит Фэрхерст в своей книге *"Рассмотренная органическая эволюция"*: "Простые вещества, из которых состоит земля, бывают таких видов и встречаются в таких относительных количествах, которые не только делают жизнь возможной, но и способствуют благополучию человека как разумного и нравственного деятеля. Я рассматриваю совпадение всех этих вещей, согласно любой теории *случайности*, как совершенно невозможное. Условия, которые должны быть выполнены, прежде чем станут возможными живые существа, настолько сложны, что *ничто, кроме мудрости Высшего Разума, не могло бы создать их*". (ср. Рим. 1, 20.)

Эта точка зрения нашла поддержку в самых неожиданных кругах. Не кто иной, как Альфред Рассел Уоллес, прославившийся как открывший независимо от Дарвина принцип естественного отбора, в своей последней книге, *"Место человека во Вселенной"*, (1903) отстаивал позицию, настолько подрывающую все лелеемые убеждения (или неверие) ученых, что ее легко можно причислить к величайшей литературной сенсации в области естествознания столетия. Уоллес собрал все последние астрономические данные и другие научные открытия, а также все знания, относящиеся к предмету, заявленному в его названии. Он выводит из этой теории: — Во-первых, что земля или солнечная система является физическим центром звездной

вселенной. Во-вторых, что высшей целью этой огромной вселенной было рождение и развитие живой души в брэнном теле человека.

"Современные скептики, - говорит Уоллес, - в свете общепринятых астрономических теорий (которые считают нашу землю совершенно незначительной по сравнению с остальной Вселенной) указали на иррациональность и абсурдность предположения, что Создатель всего этого невообразимого множества солнц и систем должен проявлять какой-либо особый интерес к такому жалкому созданию, как человек, несовершенному обитателю одной из меньших планет, прикрепленных ко второму или третьеразрядному солнцу, в то время как Он должен был выбрать этот маленький мирок для сцены, столь грандиозной и столь обязательно уникальной, что Он не мог не заметить этого. пожертвовать Своим собственным сыном, чтобы спасти часть этих несчастных грешников от естественных последствий грехов, по их мнению, является верхом абсурда, в который не должно верить ни одно разумное существо".

Мы не можем подробно проследить за аргументацией мистера Уоллеса. Достаточно сказать, что он приводит огромное количество данных, показывающих, во-первых, что вселенная не бесконечна, но имеет определенные границы, и что наша земля и ее система находятся в ее центре, и, во-вторых, что вся цель создания вселенной - человеческая раса. Земля, говорит Уоллес, является единственным телом, способным поддерживать жизнь. Жизнь невозможна ни на одной из планет, потому что они находятся либо слишком близко, либо слишком далеко от солнца; некоторые из них, вероятно, состоят из газа. На основе общепринятых расчетов он доказывает, что из всех звезд на небе нет даже отдаленной вероятности того, что какая-либо из них сопровождается телами, способными обеспечить элементы жизни. Теперь, говорит он, это очень своеобразное положение земли не могло быть вызвано случайностью. Он отказывается верить, что земля должна занять это благоприятное положение "в результате одного шанса из тысячи миллионов".

"С другой стороны, - говорит он, - возможно, правы те мыслители, которые, полагая, что вселенная является проявлением разума и что упорядоченное развитие живых душ дает адекватную причину, по которой такая вселенная должна была быть создана, верят, что мы сами являемся ее единственным и достаточным результатом и что нигде, кроме как вблизи центрального положения во вселенной, которое мы занимаем, этот результат не мог быть достигнут".

Этот вывод мистера Уоллеса, действительно, не нашел признания среди ученых. Естественно, нет. Если мы хотим, чтобы возобладала материалистическая концепция вселенной, если мы хотим принять эволюцию в той или иной форме, у нас должна быть вселенная случая, а не плана, который охватывает самую отдаленную звезду и душу новорожденного младенца по одной огромной дуге. Но в высшей степени поучительно наблюдать, как ученые в 1903 году отнеслись к аргументации Уоллеса. Один очень выдающийся рецензент сказал:

"Слишком мало известно, самые важные астрономические теории в значительной степени основаны на предположениях, чтобы придать большую силу теории, полностью построенной на таких гипотетических материалах. Аргумент, основанный на вероятностях, легко может быть обращен против автора, поскольку, когда цепочка рассуждений зависит от длинного ряда проблематичных посылок, сомнение в этих посылках возрастает в математической пропорции. Слабость аргумента столь же совокупна, как и сила, и, хотя такие выводы доктора Уоллеса,

взятые по отдельности, могут получить поддержку выдающихся ученых, вряд ли кто-либо из них получил такую демонстрацию, которая дает право на безоговорочное доверие".

Это, наконец, откровенное признание. Уоллес процитировал общепринятые результаты научных расчетов и исследований. На основе этих результатов он демонстрирует, что вся цель Эволюции (продемонстрировать развитие всего сущего по естественным причинам, без направляющего разума) сводится на нет при надлежащем рассмотрении "установленных данных", поскольку эти данные, взятые все вместе, доказывают колоссальный план, стоящий за всеми природными явлениями, и конечную цель этого плана - человеческую душу. В качестве опровержения нам теперь говорят, что "наиболее существенные астрономические теории", такие как, например, система Коперника, законы Гершеля, ньютоновская теория тяготения, "являются предметом предположений" (проще говоря, слепыми догадками), "проблематичны" и "вряд ли имеют право на безоговорочное доверие".

Таким образом, мы обнаруживаем, что величайший из дарвинистов при зрелом рассмотрении предмета пришел к выводу, который делает эволюцию как теорию совершенно ненужной; он обнаружил, что миром правят не слепые силы, присущие материи, а Высший Разум. И в своем стремлении не погрязнуть в отступничестве великого лидера ученые единодушным хором заявляют, что научные догмы, которые более или менее существенно входят в их атеистическую концепцию вселенной, являются не чем иным, как предположениями!

Какая причина у христианина отказываться от своей веры из-за противоречия ученых? У него есть Божьи оракулы, верное Слово Того, Кто сотворил все сущее за шесть естественных дней. И если он только избавится от очарования научных спекуляций и беспристрастно изучит дела Божьи, он не найдет в Природе ничего, что не соответствовало бы Книге.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Фатальная предвзятость.

Если теория эволюции противоречит, как мы полагаем, данным экспериментальной науки, истории цивилизации, фактам, особенно религии, особенно христианства, тогда оправдан вопрос: почему ученые поддерживают теорию эволюции в той или иной форме, несмотря на такое отсутствие доказательств и такую недостаточность гипотезы?

Отвечая на этот вопрос, давайте сначала заметим, что ученые не выступают против христианской веры как *представители науки*. Христианской теологии противостоит не наука, а ученые, не геология, а геологи, не физика, а сами физики. Другими словами, нет никакого конфликта между *фактами* науки и фактами откровения. Почему человек не может сохранять христианскую веру, хотя и принимает тот факт, что объем выдыхаемого воздуха на одну пятую меньше вдыхаемого воздуха; что растительная субстанция состоит из клеток; что комета Галлея возвращается в нашу систему каждые семьдесят пять лет; что Сицилия была частью Римской империи во времена Августа? Эти физиологические, ботанические, астрономические и исторические факты не противоречат религиозным верованиям, основанным на Священных Писаниях. То же самое справедливо и в отношении так называемых законов природы. Эти "законы" являются всего лишь групповыми названиями для определенных явлений. Таким образом, мы говорим о законе всемирного тяготения, о сохранении энергии, Законах Шарля и Мариотта относительно газообразных тел, зоологических законах, физиологических и психологических законах. Книга, которая просто фиксирует и классифицирует эти законы и описывает явления, лежащие в их основе, является истинно научной книгой, однако принятие

всего, что в ней содержится, не заставит отказаться ни от одного пункта христианской доктрины. Поэтому мы говорим, что нет противоречия между наукой и теологией, между природой и религией.

Иначе обстоит дело с *построениями и интерпретациями*, которые ученые накладывают на факты науки. Например, у многих животных наблюдается очевидное сходство строения; они построены по сходному плану; их органы выполняют сходные или даже идентичные функции. Это просто факты, установленные путем наблюдения. Их принятие не налагает никакого бремени на христианскую веру. Но ученые интерпретируют эти факты так, что они означают прогрессивное развитие животного и растительного мира. Они нашли определенные законы (Естественный отбор и другие), с помощью которых им требуются только силы, присутствующие в материи, для объяснения вселенной. Согласно их гипотезе, нет необходимости в чудесах, равно как и нам не нужно верить в Бога. Заметьте, это результат спекуляции, а не наблюдения; интерпретация фактов, но не вывод, сделанный из самих фактов. Христианской религии противостоит не наука, а ученые.

Эта точка зрения подтверждается также размышлением о том, что история спекулятивной мысли когда-либо выявляла антихристианские намерения и целеустремленность, фатальное предубеждение ученых и философов против учения христианства. Современный анатом и физиолог может заявить, что его наука исключает необходимость веры в Бога и молитвы; что благодаря своим исследованиям он стал материалистом, атеистом. Но даже в средние века, когда практически вся анатомия и физиология были еще не изучены, врачи того времени были такими же материалистами, как и наши современники. Средневековая поговорка гласила: "*Tres physici, duo athei*", "из каждых трех врачей двое атеисты". Наука средневековья очень существенно отличалась от науки наших дней. Разве не ясно, что один и тот же результат не может быть достигнут столь разными причинами? Материализм и атеизм, которые ученые объявляют результатом, на самом деле являются отправной точкой их спекуляций. Иначе как объяснить тот факт, что физики, как правило, являются грубыми материалистами сейчас, как и сорок лет назад, хотя с тех пор все теории, касающиеся состава материи, были радикально изменены? Очевидно, что современный ученый не из-за своих исследований и спекуляций объявляет себя агностиком; совсем наоборот, тот факт, что *любой* системе физики, зоологии, психологии выводы остаются неизменными, доказывает, что эти выводы были в уме до того, как были исследованы факты. Неверие - это не продукт научных и философских спекуляций, это скорее их происхождение. Существует определенная цель, в соответствии с которой классифицируются и интерпретируются факты. Не все ученые так честны, как Хаксли, который объявляет об этой цели во введении к своей "*Науке и еврейской традиции*": "Эти эссе по большей части призваны внести свой вклад в процесс разрушения непогрешимости Священного Писания".

Дополнительный свет проливается на наблюдение, что ученые придерживаются своих агностических выводов даже после того, как были признаны ошибочными предпосылки, на которых они основывали свои выводы. Целью эволюции является демонстрация того, что все жизненные процессы и история живых организмов могут быть объяснены без предположения о личном Создателе. Таким образом, само начало нашей вселенной объясняется (в туманной гипотезе) происхождением силы и движения в материи. Однако президент Лоуэлл из Гарварда двадцать лет назад сказал, что гипотеза о туманностях "основана на фундаментальной ошибке". ("*Солнечная система*", стр. 119.) Находим ли мы, что ученые, хотя и вынуждены отказаться от

этой опоры, отказались от атеистической эволюции? Ни в коем случае. Очевидно, что их атеизм старше их эволюции.

Пятьдесят лет назад считалось, что в небесных телах, называемых туманностями, был обнаружен материал, из которого сделан мир. Предполагалось, что эти туманности были мирами в процессе формирования. В 1914 году ученые из обсерватории Лик пришли к выводу, исходя из огромной скорости, с которой перемещались туманности, что они являются *остатками* миров, которые *были* или проходят мимо, и не являются составляющими будущих миров. Это разрушило еще одно предположение, благоприятствующее теории, но мы не замечаем, что ученые стали более дружелюбно относиться к христианству. Или рассмотрим последние предположения о составе материи, содержащиеся в работах Лоджа, Крукса и лорда Кельвина. В настоящее время считается, что материя состоит из электрических частиц размером меньше атомов, называемых электронами. Говорят, что атом золота состоит из 137 200 электронов. Теперь, если учесть, насколько тесно физические теории связаны с принципом эволюции, не следует ли нам ожидать, что ученые откажутся от этого принципа, когда будет разрушен еще один камень в его основании? И поскольку такого отречения нет, разве не ясно, что этот класс ученых настаивает на атеистической интерпретации вселенной, независимо от того, на какой гипотезе? Для медленного увеличения вариаций у растений и животных, которым Дарвин объясняет происхождение видов, эволюционистам потребовалось более 400 000 000 лет. Но физики, основываясь на определенных расчетах, утверждают, что земля никак не могла существовать более 40 000 000 лет. Эта последняя цифра, основанная, в частности, на расчетах лорда Кельвина, вызвала сомнения относительно эволюции, что побудило многих ученых отказаться от нее как от рабочей теории. Рудиментарные структуры привлекли внимание, и в результате Сент-Джон Майварт говорит: "Это абсолютная причуда, что нет ни одного случая трансмутации видов". Доктор Натаниэль С. Шалер, профессор геологии в Гарварде, писал: "Не доказано, что один вид из двух или трех миллионов, существующих сейчас на земле, был создан естественным отбором". Таким образом, философ-эволюционист вынужден отказываться от одной теории за другой; биолог опровергает основополагающие, геологи и физики уничтожают большую часть остатков; и все же сторонники эволюционизма придерживаются своей цели изгнать Бога из вселенной. В этом мы имеем убедительное доказательство того, что то, что эволюционисты претендуют считать завершением своего исследования, на самом деле было устоявшимся убеждением в их умах до того, как они начали свое исследование, и которого в силу своей предвзятости они предлагают твердо придерживаться, что бы ни случилось с доказательствами, однажды объявленными окончательными.

Война философии против христианской веры легко объяснима. Человек развращен. Он любит грех. Он осознает свою вину и боится наказания. Следовательно, приветствуется любой путь спасения, если только он может убедить себя, что Бога нет, что нет суда. Человек горд, он не желает Спасителя. Отсюда тенденция доказывать, что никакой Спаситель не нужен; что нет никакой вины, связанной с грехом, что нет абсолютного добра и неправды. Отсюда также вытекает доктрина агностиков о том, что мы не можем приписывать Богу никаких атрибутов. Когда мы читаем "*Синтетическую философию*" Спенсера, мы склонны полагать, что изложенный там агностицизм является результатом глубоких философских спекуляций. Нет ничего более далекого от истины. Человек, даже культурный, философствующий человек, не хочет никаких ограничений, накладываемых на гордыню и эгоизм; следовательно, необходимо избавить ум от страха перед божественной справедливостью; следовательно, мы

заинтересованы в демонстрации того, что у Бога "нет атрибутов" — таких, например, как "справедливый". Псалмопевец описывает это отношение: "Давайте разорвем их узы и сбросим с себя их путы".

Ни один человек, постигший внутреннюю подоплеку всех научных усилий по разрушению веры, не может не понимать, почему чернь с таким ликованием встречает каждую новую атаку на библейское повествование. Ни один человек, задумавшийся над этим мотивом, не может быть пойман в сети ложно называемой науки. Он увидел ее внутреннюю суть, ее фатальную предвзятость.

Таким образом, христианин может сохранять ментальное равновесие по отношению к науке. Верующий христианин может восхищаться достижениями науки, не увлекаясь спекуляциями ученых. Велик прогресс современной медицины, настолько велик, что даже за последние десять лет были достигнуты большие успехи в лечении болезней. Химия создала больше чудес, чем когда-либо приписывали волшебной палочке восточные поэты. Какие поразительные достижения в прикладной науке — Панамский канал, Гудзоновские туннели, развитие автомобиля и самолета, совершенство телефона и кино! Мы можем радоваться всем этим победам разума над материей и в то же время решительно выступать против теорий, которые хотели бы представить разум, создавший все эти чудеса, просто развитием инстинктов обезьяны.

Возможно даже быть ученым и ни в коей мере не ставить под угрозу свою христианскую веру и честность христовой профессии. Везде, где люди довольствовались чисто научными исследованиями, изучением и сведением в таблицу явлений природы и установлением законов жизни и движения во вселенной, они без труда сохраняли детскую веру. Среди тех ученых первого ранга, которые, отнюдь не будучи принужденными к атеистическим выводам, признавали удивительную гармонию между наукой и откровением, был Кеплер, которого размышления о гармонии теологии с математикой побудили следовать тем кропотливым расчетам, с помощью которых он сначала установил орбиту Марса, а затем и других планет; среди них был Ньютон, названный Юстусом Либихом "самым возвышенным гением за тысячу лет", утверждавший, что вся его система механики несостоятельна без предположения о божественной силе; Дэви, князь химиков, который "видел во всем, что он делал". все силы материи - инструменты Божественности"; Линне, названный проф. Фраас, "величайший натуралист всех времен", который начинает свою "Систему природы" так: "Проснувшись, я увидел Бога, Вечного, Бесконечного, Всеведущего, Всемогущего, и я был поражен. Я прочел некоторые из Его следов в "Творении". Какое невыразимое совершенство!" В списке ученых, веривших в богодухновенную Библию и божественного Спасителя, мы находим таких людей, как Ганс Кристиан Эрстедт, великий первооткрыватель электромагнетизма и отец всей современной науки об электричестве, который заявил, что у него "было всего лишь желание привести людей к Богу с помощью своих книг". Лавуазье, отец современной химии, христианин; Мэдлер, который занял первое место в ряду современных астрономов, не отказавшись от своей детской веры, и который сказал: "Настоящий ученый не может быть неверующим"; Риттер, величайший из географов, сказавший: "Весь мир исполнен славы Творца"; Вирхов, хирург с мировым именем, который всю свою жизнь был ярким противником эволюционной теории и чья последняя молитва, произнесенная в присутствии его коллег-ученых, была: "*Christi Blut und Gerechtigkeit...*"

Говоря о торжествующем Исккупителе, Господь говорит Ис. 53: "Я разделю Ему часть с великими, и Он разделит добычу с сильными. Цари земли будут служить Ему". Пророчество исполнилось, когда цари не только на материальных тронах, но и цари мира интеллекта и гиганты науки воздали должное богочеловеку Иисусу Христу. В истории современной науки и эрудиции есть яркие примеры истины о том, что огромная умственная сила и глубокие исследования не являются несовместимыми со смиренным принятием библейских учений. Духовная слепота естественного человека, его интеллектуальная гордыня и порочность его воли объясняют отношение многих ученых к фактам откровения. Из зыбучих песков их спекуляций мы можем невредимыми подняться на крыльях веры, руководствуясь принципом: "Так написано".